

СКАЗКИ
МАМПУРСИ

**ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. А. А. ЖДАНОВА**

СКАЗКИ
И МИФЫ
НАРОДОВ
ВОСТОКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

СКАЗКИ МАМПРУСИ

Собрала и записала
Г. АНПЕТКОВА-ШАРОВА

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва. 1966

Редакционная коллегия серии
«Сказки и мифы народов Востока»:

И. С. БРАГИНСКИЙ, Н. И. КОНРАД, Е. М. МЕЛЕТинский,
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ (председатель), Э. В. ПОМЕРАНЦЕВА,
Б. Л. РИФТИН (секретарь), С. А. ТОКАРЕВ

Ответственный редактор
и автор послесловия

Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

Типологический анализ сюжетов

Исидора ЛЕВИНА

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА ЗАПИСИ

Первого июня 1939 года в африканском городе Салага родился мальчик, которому родители, мусульмане, дали имя Моро.

В прошлом Салага — крупнейший в Африке рабовладельческий рынок. Отсюда еще в прошлом веке вывозили в Америку живой товар — жителей Африки и особенно Золотого Берега, который превратился сегодня в Республику Гану. Когда Моро родился, Золотой Берег находился под властью английских колонизаторов.

Отец мальчика служил в полиции и по роду службы должен был постоянно передвигаться с места на место, благодаря чему Моро уже в детстве побывал в разных городах и деревнях своей страны. Салага не была постоянным местом жительства семьи. К тому времени, когда Моро исполнилось пять лет, семья его обосновалась в городе Гамбага, на севере страны, где жил народ его отца — мампруси. И хотя еще много лет семья переезжала из города в город, у нее был в Гамбаге свой дом с большим садом, разбитым и выращенным руками братьев и сестер Моро.

С пяти лет и до одиннадцати Моро учился в Гамбаге в начальной школе-интернате. Здесь он получил новое имя Франк, потому что был крещен и принял протестантство.

С детских лет Франк увлекался прекрасными сказками своего народа, таившими в себе следы и языческих, и мусульманских, и христианских представлений: Впервые Франк услышал сказки в раннем детстве от бабушки, рассказывавшей их с наступлением темноты: многие африканские народы верят, что сказки не должны звучать при дневном свете. В школе Франк вновь услышал сказки своего народа. Их рассказывали друг другу мальчики и девочки в свободное время. Мало того, народные сказки были обязательным предметом начального школьного обучения: ребята должны были рассказывать их на уроках родного мампрусского языка.

Эти сказки, рассказанные детьми со слов бабушек и дедушек, на всю жизнь глубоко запечатались в памяти Франка. О, какие это были сказки! Яркие, остроумные, поучительные. Недаром они не забываются народом, хотя никто никогда не записывал их. Мудрые, красивые рассказы учили правильному отношению к жизни, уважению к людям, внушали правила поведения в быту.

Сказки были очень разнообразны. Жуткая и в то же время пронизанная юмором сказка о Купарге-лешем учила быть вежливым и уметь промолчать там, где нужно; сказка о непутовом ребенке Малелефи напоминала о том, как несносен навязчивый человек; сказка о козе и трех козлятах учила быть справедливым и одинаково внимательным ко всем людям. Во многих сказках наказывались различные человеческие пороки: жадность (сказка о доброй и злой женах), неблагодарность («Лев и мышь»), высокомерие и т. п.

Особенно часто в этих сказках упоминался паук, который был когда-то сильным и рослым, но сжался от стыда за свои бесчестные дела и стал таким маленьким, каким мы его знаем сегодня. Сказки о пауке осуждали жадного эгоиста, хитреца и пройдоху.

Ум, смекалка, сила воли, находчивость — качества, высоко ценимые народом мамприси. В таких сказках, как «Ястреб и черепаха», «Мальчик и львица», «О семи братьях», доказывается превосходство ума и смелости перед физической силой.

Многие сказки наивно и в то же время остроумно объясняли происхождение различных природных явлений: почему у хамелеона трехгранная голова, или откуда взялись рыбы, или почему лягушки любят болото.

Когда Франку было около 12 лет, он поступил в четырехлетнюю школу второй ступени в деревне Налеригу — резиденции наири (вождя племени) мамприси. Здесь обучение велось уже не на родном, а на английском языке.

Среднее образование Франк Яро завершил в Аккре, в знаменитом колледже Ачимоте, куда попадали далеко не все желающие. Только благодаря исключительному трудолюбию Франк выдержал огромный конкурс и получил возможность учиться в прославленной Ачимоте.

В Ачимоте Франк проучился пять лет, окончив колледж в 1958 году. К тому времени Золотой Берег получил наконец независимость.

Уже в годы учебы в Ачимоте Франк часто на каникулах разъезжал по стране вместе с матерью и отцом, продолжавшим служить в полиции. Кроме Аккры и родной Гамбаги он побывал в таких крупных городах, как Кумаси, Секонди-Такоради, Кейп-Косте, Тамале, Волгатанге. Он изучил несколько африканских языков и, кроме того, к окончанию школы свободно говорил по-английски и по-французски. Знакомству с севером Ганы Франку помогла трехмесячная работа в передвижном кукольном театре. С четырьмя

товарищами Франк разъезжал на автомобиле по городам и деревням севера страны и на ярмарках, повсеместно организуемых через каждые три дня, при помощи смешных кукол, разыгрывающих бытовые сценки, объяснял людям, как уберечься от малярии и других болезней.

После этого в течение двух лет Франк работал на телеграфе, затем около двух лет — секретарем в совете фермеров в Аккре.

В декабре 1961 года Франк был послан в СССР для завершения своего образования. В ноябре 1962 года он поступил на филологический факультет Ленинградского университета. Здесь мы с ним и встретились.

В настоящее время Франк-Моро Яро — студент V курса филологического факультета ЛГУ. Мне довелось быть одним из первых его преподавателей. Уже в первые дни своей учебы Франк обратил на себя внимание замечательным прилежанием и любознательностью. Мы с Франком стали заниматься не только тем предметом, который я преподаю, но и другими литературоведческими дисциплинами, и в процессе этих занятий произошло для меня открытие прекрасных сказок его народа.

Первая же сказка, рассказанная Франком — «Почему у осы тонкая талия и толстое брюхо», поразила меня, с одной стороны, удивительной музыкальностью вплетенной в сюжет песенки с ее тонким подражанием звуку катящейся тыквы, с другой стороны, остроумным замыслом и самобытным художественным приемом, который оказался характерным для многих сказок мампруси и вообще для африканских сказок. Я имею в виду смещение представлений о размерах предметов: огромная тыква, необыкновенная величина которой специально подчеркивается в сказке, уместается в животе у маленькой осы.

Наш сборник сказок — первая в мире публикация фольклора мампруси. Записывая сказки, я старалась ничего не изменять в рассказе Франка, но, к сожалению, в записи эти сказки в известной степени утрачивают свою прелесть, так как мелодии песен, органически связанных с сюжетом некоторых сказок и очень украшающих их, могли быть записаны лишь условно из-за отсутствия в европейской нотной системе четвертных тонов, которыми изобилует африканская музыка. Поэтому ноты, приведенные в нашей книжке, не передают всего богатства мампрусской мелодии. Переводя песни на русский язык, я старалась подбирать слова так, чтобы не нарушить мелодий, и без того записанных неточно. Этим объясняется, может быть, тяжеловесность перевода некоторых песен. Я старалась также сохранить стиль песен и не нарушить законов народного стихосложения. Например, в песнях мампруси почти совершенно отсутствует рифма, зато во многих случаях в конце каждого стиха повторяется одно и то же слово или звукоподражательное сочетание.

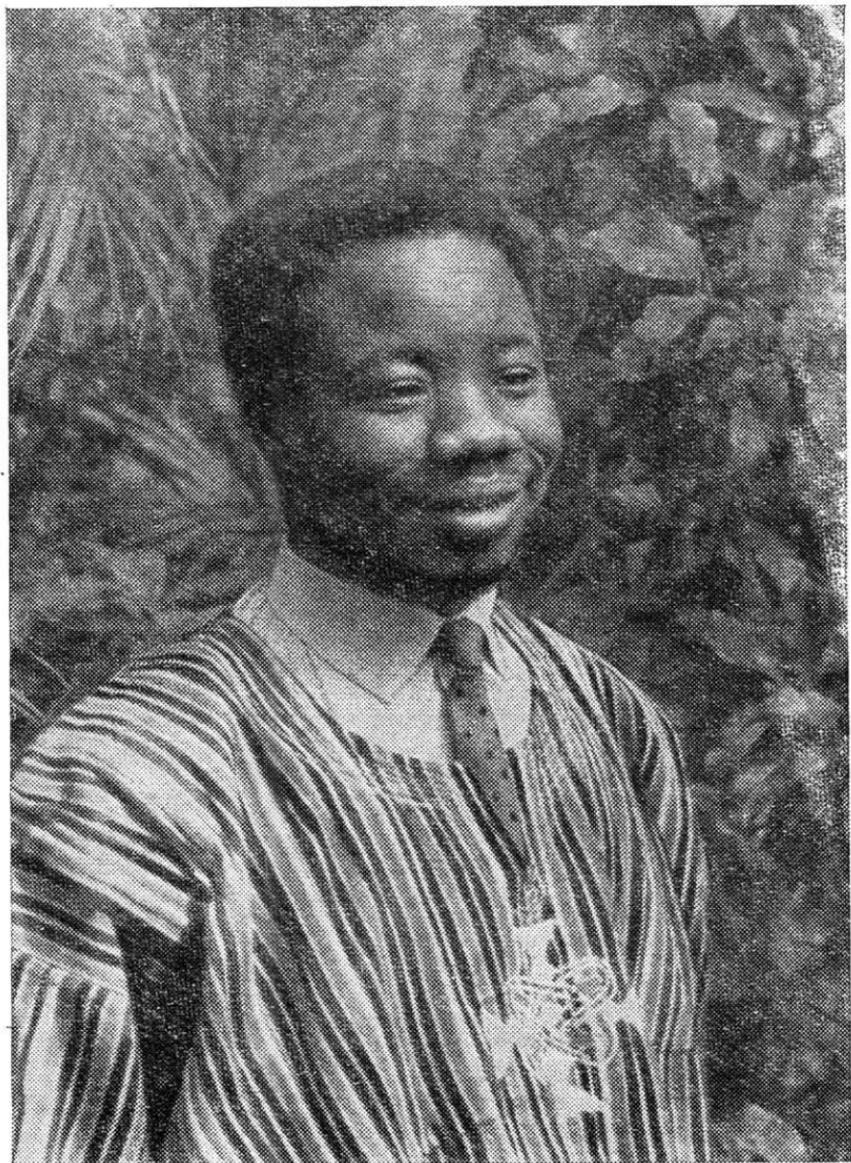
Основная масса сказок была записана нами в 1963 году; несколько

сказок — в 1964 году, а шесть самых маленьких, помещенных в начале сборника, Франк вспомнил совсем недавно — осенью 1965 года. Рассказывал он в основном по-русски, иногда прибегая к английскому языку или к латыни, так как в 1963 году он еще слабо владел русским языком.

Рассказывая сказки, народ мампруси никак не называет их, так что заглавия сказок даны нами.

Франк Яро, на суд которого я представила свою запись, оказался весьма строг в вопросе точности передачи текста как самих сказок, так и песен. И если Франк по своей скромности выражает сомнение в том, что сказки его народа представляют интерес для русского читателя, то мы, советские люди, работавшие над сказками, — Е. П. Виттенбург, сделавшая нотную запись, иллюстратор сказок Г. В. Пионтек и я, автор записи текста сказок, — уверены, что сказки мампруси, никогда ранее не публиковавшиеся ни на одном языке мира, будут по достоинству оценены советским читателем.

Гаяна Аннеткова-Шарова

Рассказчик Франк Яро

СКАЗКИ МАМПРУСИ

1. КАК ПОЯВИЛИСЬ КОШКИ

Было время, когда у львицы одновременно рождалось по несколько детенышей. Однажды она решила испытать храбрость своих детей и, когда они вовсе не думали об опасности, внезапно бросилась на них из-за деревьев. Лвята в страхе разбежались; только один из них зарычал и смело прыгнул навстречу львице. Он вырос потом и стал сильным и смелым львом, а остальные навсегда остались маленькими. Так в лесу появились кошки.

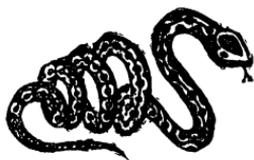
А львица с тех пор рождает только одного львенка.

2. ПОЧЕМУ У ОСЛА ДЛИННЫЕ УШИ

Когда бог наделял разных животных рогами, осел думал: «Ну и задам же я человеку, когда и у меня будут рога! С лихвой отплачу ему за все издевательства, за тяжести, которые он так безжалостно на меня наваливает! День и ночь буду бодаться!». Разгадал бог мысли осла и дал ему вместо рогов длинные уши.

3. О ЗМЕЕ И ЛЯГУШКЕ

Пулори-лягушка в поисках добычи скакала по траве, как вдруг навстречу ей, раскачиваясь, поднялось длинное узорное тело Вафу-змеи.

— Я тебя проглочу,— сказала змея.

— Посмотрим,— отвечала лягушка.— Я не прочь побороться с тобой.

— Смешные вещи ты говоришь, Пулори. Где тебе бороться со мной?

— Давай попробуем. Только выйдем на ровное место!

И лягушка поскакала на дорогу. Знала она, что по дороге ходят люди. Появись змея на дороге — люди тотчас убьют ее, а на лягушку не обратят внимания. Так и случилось.

С тех пор при виде змеи лягушка всегда выскакивает на дорогу. Если видишь, что Пулори скачет вдоль дороги,— берегись! Поблизости змея.

4. О ГРИФЕ

Всякий раз, когда идет дождь, Зуа-гриф думает: «Пройдет дождь, и я обязательно построю себе хороший, сухой дом». Но дождь кончается, гриф забывает о своем намерении и спешит на рынок или на бойню, чтобы поживиться отбросами. Так он и живет. Видно, никогда не будет у грифа своего гнезда. Поэтому и сравнивают с грифом человека, который строит много планов, но не осуществляет их.

5. ПОЧЕМУ У СОБАКИ ЧЕРНЫЙ НОС

Когда-то собака умела лазать по деревьям и поэтому дружила с обезьяной. Однажды они вместе вскопали поле и посадили овощи. Вскоре собака заметила, что обезьяна крадет овощи по ночам. Конец пришел их дружбе. Собака была сильнее обезьяны и задала ей хорошую трепку. Обезьяна побежала от нее прочь, собака погналась за ней. Обезьяна влезла на дерево, собака — за ней. Тогда бог разгневался.

— Свирепость твоя не знает предела,— сказал он собаке.— Ты преследуешь даже побежденного. За это ты никогда больше не сможешь залезть на дерево!

И бог метнул в собаку угольком. Уголек угодил собаке в нос, обжег ее, и она соскользнула с дерева. С тех пор кончик носа у собаки черный и она не лазит по деревьям.

6. ПОЧЕМУ КУНБУНГУ ЖИВЕТ В ЗЕМЛЕ

Когда земля не успела еще затвердеть и обрести определенную форму, бог решил для прочности прошить ее нитками. Он приказал зверям закрыть глаза, чтобы никто из них не видел его работы и не вздумал в злую минуту распусть швы. Все прикрыли глаза руками, только Кунбунгу не удержался, слегка раздвинул пальцы и приоткрыл один глаз. Бог заметил это и разверз землю под его ногами. С тех пор Кунбунгу живет в земле.

7. ОТЧЕГО У ОСЫ ТОНКАЯ ТАЛИЯ И ТОЛСТОЕ БРЮХО

Один охотник посадил тыкву, но, когда она созрела, забыл прийти за ней. Тыква растет все больше и больше, а хозяин не приходит. «Что ж,— подумала тогда тыква,— если хозяин не идет за мной, я сама пойду к нему». Оторвалась тыква от своего стебля и покатила по дороге. Катится и поет:

Посадили меня, калана-биб,
Ты-ты-биб, калана!
Позабыли меня, калана-биб,
Ты-ты-биб, калана!
И домой сама покатилась я,
Ты-ты-биб, калана!
Биб-ты, биб-ты, калана-биб,
Ты-ты-биб, калана!

Все звери при виде тыквы бросились наутек! уж очень она была велика; к тому же никто никогда не видел, чтобы тыквы сами по дорогам передвигались да еще песни при этом распевали. А охотник сидел дома и смотрел в окно. Вдруг видит: мимо его дома мчатся сломя голову звери. «Не иначе как лев за ними гонится», — решил охотник, схватил ружье и вышел из дома. И тут он увидел, что это не лев, а огромная тыква! Не на шутку перепугался охотник, швырнул ружье и в лес побежал. А тыква — за ним. Катится и поет свою песню.

Повстречался охотнику Быгыны-лев. Удивился лев: не знал он, что неустрашимый охотник, гроза леса, может кого-то бояться.

— От кого ты бежишь, охотник? — спросил лев.

— Ой, не спрашивай! Тыква за мной гонится, да такая большая, что и сказать не могу!

— Сядь со мной рядом, — сказал лев. — Не бойся ничего. Уж я-то с ней справлюсь.

Охотник поверил льву, остановился. Стали они ждать вдвоем. И вот видят, тыква катится, свою песню поет:

Биб-ты, биб-ты, калана-биб!
Ты-ты-биб, калана!

Катится тыква прямо на льва, вот-вот раздавит. Забеспокоился лев, говорит охотнику:

— Знаешь что? Вот дорога налево — иди-ка налево, а я пойду вот по этой дороге, направо!

Да не пошел лев, а побежал, только охотник его и видел! Бежит охотник своей дорогой, а навстречу ему Вобугу-слон.

— Эге, — говорит слон, — что за чудо! Охотник бежит! Ведь он до сих пор никого не боялся!

Спросил слон охотника, от кого он убегает.

— Страшная тыква меня преследует,— сказал охотник.— Огромная, почти такая, как ты! Даже лев испугался!

— Остановись, не бойся! — засмеялся слон.— Нашел кого бояться! Я эту тыкву сейчас съем! А лев просто трус!

Но при виде тыквы, что катилась прямо на него, слон затоптался на месте и пробормотал:

— Беги-ка этой дорогой, а я побегу вот этой, да смотри не ходи за мной.

Не успел охотник опомниться, как слон скрылся из виду.

Побежал он дальше. Вдруг летит навстречу Салимвунга-оса и жужжит:

— От кого бежишь ты, смелый охотник?

Рассказал ей охотник о своей беде. Задумалась оса.

— Дело серьезное,— сказала она.— Но ты успокойся, я тебе помогу.

— Спасибо тебе, Салимвунга, да только как ты можешь мне помочь? Лев с этой тыквой не справился, слон не справился, а ты, такая маленькая, справишься?

— Говорю тебе, успокойся,— повторила оса.— Сядь на этот пенёк и жди. Сейчас мы встретим твою тыкву по достоинству!

«Ладно,— думает охотник,— в случае чего убежать-то я успею». Стали они вместе тыкву ждать. И вот катится, катится к ним тыква:

Охотник посадил меня,
Ты-ты-биб, калана!
А прийти за мною он позабыл,
Ты-ты-биб, калана!
Что ж! Тогда сама я к нему пойду!
Ты-ты-биб, калана!
Биб-ты, биб-ты, калана-биб,
Ты-ты-биб, калана!

Вскочил охотник, хотел бежать.

— Стой! — крикнула оса.— Сказано тебе, сиди спокойно! Охотник покорно опустил на пенёк.

Накатилась тыква на осу, а оса ее — хоп! — и проглотила. Но тыква тотчас выкатилась обратно из осиною брюха. Долго боролась оса с тыквой. Несколько раз глотала она тыкву, но всякий раз тыква снова выкатывалась наружу. Наконец оса поняла, что надо сделать.

— Возьми веревку,— крикнула она охотнику,— и не зевай! Как только я ее проглочу, быстро перетяни меня в пояс, чтобы она не могла выкатиться обратно.

Схватил охотник веревку, приготовился. И вот оса улучила момент и проглотила тыкву. Охотник бросился к осе и крепко стянул ей веревкой талию. С тех пор у осы талия туго перетянута, а брюхо вздутое, потому что в брюхе у нее застряла огромная тыква.

8. ПОЧЕМУ ЛЯГУШКИ ЛЮБЯТ БОЛОТО

В давние времена, когда на земле не было еще людей, а были только животные, случился голод в лесу. Тогда решили звери бороться друг с другом, чтобы победитель съедал побежденного. Лев боролся с крокодилом, гиена — с бегемотом, носорог — с гориллой. Только Пулори-лягушка не решался вступить с кем-нибудь в битву,— ведь он знал, что нет зверя, которого он мог бы одолеть. Но мужская гордость не позволяла Пулори признаться в своей слабости жене, и вот он стал ежедневно уходить из дому, якобы для того, чтобы отправиться на битву; на самом же деле при виде поднимающегося столбика пыли он спешил спрятаться под любую корягу и просиживал там до вечера. Однако вечером он приходил домой с видом утомленного битвой воина и просил жену нагреть воды, чтобы смыть пыль ратных подвигов:

Сарбила, Сарбила, нагрей мне воды!
Я сказал лишь «а-а!» — и жирафа упала.
Я сказал лишь «а-а!» — и гиена упала.
Я сказал лишь «а-а!» — антилопа упала.
Сарбила, Сарбила, нагрей мне воды!

— Хорошо, я нагрею тебе воды,— отвечала жена.— Но скажи мне, куда ты дел мясо убитых животных?

— Зачем нам мясо, Сарбила? Мы с тобой лягушки? Лягушки! Мясо нам ни к чему. Я продал мясо крокодилу, он обещал мне на днях отдать деньги за жирафу, антилопу и гиену.

На другой день Пулори говорил, что от его могучего ква-

канья свалился замертво бык или бегемот, что он опять продал мясо другим зверям и что деньги ему в ближайшие дни отдадут.

Но Манга-обезьяна заметила, что Пулори целые дни просиживает под корягой, и сказала об этом его жене. Удивилась Сарбила, решила последить за мужем. Однажды она потихоньку вышла из дома вслед за Пулори и увидела, как он, заметив столб пыли на дороге, поскакал прочь и забился в траву под деревом. Рассердилась жена на мужа за ложь и бахвальство, решила наказать его. Пошла она домой и вскипятила воду. Вернулся Пулори, запел свою песню:

Сарбила, Сарбила, нагрей мне воды!

Я сказал лишь «а-а!» — и горилла погибла.

Я сказал лишь «а-а!» — и слониха погибла.

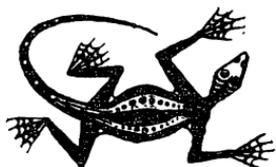
Я сказал лишь «а-а!» — и гиена погибла.

Сарбила, Сарбила, нагрей мне воды!

— Вот тебе вода, муженек, — сказала Сарбила, подставляя Пулори бак с только что закипевшей водой. — Обмойся после битвы, устал, наверно, бедный!

Бултыхнулся Пулори в горячую воду и в тот же миг, ошпаренный, выскочил из бака и плюхнулся в грязную лужу, чтобы немного охладиться. С тех пор он перестал верить жене и никогда больше не просил ее нагреть воды, а предпочитал бултыхаться в луже или в болоте. И детям своим завещал он мыться только холодной водой. И все его потомки, все лягушки на свете, словно холостяки, вечно плещутся в лужах или в болотной воде и никогда не просят своих жен нагреть им воды для купания.

9. О ЧЕМ ВОЕТ КУНДУНГУ

Когда в лесу был голод, звери вступали в единоборство, и победитель съедал побежденного. Кундунгу звери посоветовали помериться силой с ящерицей. Кундунгу обиделся, что ему предложили столь слабого противника, но звери сказали:

— Это тебе только для начала, чтобы, подкрепившись ящерицей, ты мог сражаться в полную силу.

Согласился Кундунгу. Но Вау-ящерица была хитра. Не дав Кундунгу опомниться, она прыгнула к нему под хвост, сунула свой хвост в его кишки и завертелась юлой. Кундунгу взвыл, глаза выпучил, закурился на месте. А звери радовались его беспомощности, потому что все они боялись Кундунгу. Стали они поощрять ящерицу песней:

Ты задай ему, Вау, ну-ка, ну-ка!
Покажи ему, Вау, ну-ка, ну-ка!
Поднажми, Вау, Вау, ну-ка, ну-ка!
Не зевай, Вау, Вау, ну-ка, ну-ка!..

Видит Кундунгу, что все звери против него. Чувствует, что Вау все глубже и глубже проникает в его внутренности. Понатужился он, изверг ящерицу из своего брюха и с громким воем бросился прочь. Бежит и воет:

— У-у-у!.. До будущего года не увидите меня!

С тех пор Кундунгу выкрикивает эти слова, когда раненый убегает от охотника, или бежит, испуганный выстрелом, или спасается бегством, потерпев поражение в драке.

— У-у-у!..— кричит он, что означает: — До будущего года!

10. КАК ПОЯВИЛИСЬ ПТИЦЫ

В давние времена летала только одна птица, но зато очень большая и мудрая. Люди уважали и боялись ее, и никогда ни у кого не возникало мысли охотиться на нее. Но жил в то время проказник Салимбуни, не чтивший обычаев и законов, по которым жили все люди. Бродил он однажды по деревне с камнем в руках. При виде огромной птицы он размахнулся и, не слушая предостережений окружающих, метнул камень в птицу. Упала птица к его ногам, а он не обратил на нее внимания и хотел идти дальше. Но птица, умирая, запела такую песню:

Салимбуни, Салимбуни, вернись ко мне, Салимбуни!
Салимбуни, Салимбуни, возьми меня, Салимбуни!
Все твои друзья мимо меня ходят, Салимбуни,

Но из них один ты меня увидел, Салимбуни,
И по голове меня ударил — куэй! — Салимбуни,
Сам же прочь пошел, пошел, пошел, Салимбуни,
Быстро, лелеге-лелеге, туле-туле, Салимбуни,
Быстро, куэй-куэй, туле-туле, Салимбуни!

Песня умирающей птицы нимало не смутила Салимбуни. Взял он ее на спину и пошел домой. Дома он бросил мертвую птицу на пол и вдруг снова услышал ее песню:

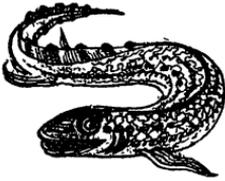
Салимбуни, Салимбуни, почисть меня, Салимбуни!
Салимбуни, Салимбуни, свари меня, Салимбуни!
Все твои друзья мимо меня ходят, Салимбуни,
Но из них один ты меня увидел, Салимбуни,
И по голове меня ударил — куэй! — Салимбуни,
Сам же прочь пошел, пошел, пошел, Салимбуни,
Быстро, лелеге-лелеге, туле-туле, Салимбуни!
Быстро, куэй-куэй, туле-туле, Салимбуни!

Взял Салимбуни нож, ощипал птицу и стал готовить жаркое. Когда мясо было прожарено и залито соусом, он в третий раз услышал песню птицы:

Салимбуни, Салимбуни, садись за стол, Салимбуни!
Салимбуни, Салимбуни, ешь меня, ешь, Салимбуни!
Все твои друзья мимо меня ходят, Салимбуни,
Но из них один ты меня увидел, Салимбуни,
И по голове меня ударил — куэй! — Салимбуни,
Сам же прочь пошел, пошел, пошел, Салимбуни,
Быстро, лелеге-лелеге, туле-туле, Салимбуни!
Быстро, куэй-куэй, туле-туле, Салимбуни!

Нимало не смущаясь, Салимбуни принялся за еду. Мясо птицы было так вкусно, что он съел все и пальцы облизал. Однако вскоре он почувствовал, что съеденная птица распирает его внутренности и тело его начинает расти. Живот его становился все больше и больше и в конце концов лопнул, а из него вылетело множество птиц, больших и маленьких, серых и черных, белых и зеленых, поющих, каркающих и щебечущих. Они разлетелись по всему миру, расплодились, и их стало так много, что люди уже не испытывают никакого благоговения перед птицами, охотятся на них и употребляют в пищу.

11. ОТКУДА ВЗЯЛАСЬ РЫБА В ВОДЕ

Давно-давно, когда ни в морях, ни в реках не было рыбы и люди ничего не знали о ней, двенадцать девушек пришли к реке за водой. Наполнили они тыквенные кувшины и помogli друг другу поставить их на голову. Только младшей девушке никто не хотел помочь: она была красивее всех, и девушки завидовали ей. Оставили они ее одну у реки и ушли. И так, и этак пыталась она поставить на голову кувшин, но никак не могла этого сделать. Вдруг огромная рыба высунула голову из воды. Удивилась девушка: не знала она, что это за животное, и никто никогда не говорил о том, что в реке водятся такие существа. А рыба между тем говорит как бы сама с собой:

— Помогла бы я этой девушке, да боюсь. Люди неблагодарны: расскажет она обо мне дома, придут люди и поймают меня.

— Нет, нет! — воскликнула девушка. — Я никогда никому не скажу о тебе, только помоги мне, пожалуйста!

Рыба выпрыгнула из воды, подняла кувшин, поставила его девушке на голову, а потом нырнула в реку. Девушка же побежала домой и сразу все рассказала родным.

— Идите скорее, ловите скорее это животное! — сказала она, забыв о своем договоре с рыбой.

Люди взяли сети, побежали к реке и сделали запруду. В двух местах перегородили они реку, чтобы рыба не могла уйти ни вверх, ни вниз по течению.

Нинна-птица, летавшая над водой, запела, обращаясь к рыбе:

О Интырья, запруду делают люди для тебя!

О Интырья, запруду делают люди для тебя!

Но рыба Интырья в ответ спокойно запела:

Пусть Интырью люди ловят,

Пусть Интырью ловят.

Сами того не зная, они

Этим зло на себя навлекут.

Но обидно до слез,
Но обидно до слез,
Что Интырью предали
Бесчестные люди.

И вот люди поймали рыбу. Принесли домой. Стали жарить,
И снова запела птичка-вестник:

Режут бедную рыбу люди и жгут огнем ее!
Режут бедную рыбу люди и жгут огнем ее!

И снова ответила ей Интырья, уже разрезанная на части и
наполовину изжаренная:

Пусть меня люди злые режут,
Пусть Интырью жарят.
Неблагодарной девушке той
Слезы потом отольются мои.
Но как жаль, что нельзя,
Но как жаль, что нельзя
Человеку доверять,
Добро ему делать.

Приготовили рыбу, посолили, поперчили, поставили на стол.
Уселась вокруг стола вся семья неблагодарной девушки, стали
рыбу есть. И Ниина-вестник запела сквозь слезы, запела в
последний раз:

Люди мясо едят Интырьи, кости грызут ее!
Люди мясо едят Интырьи, кости грызут ее!

Но рыба и на этот раз ответила ей, хотя была уже съедена
наполовину:

Пусть сегодня едят Интырью
Вероломные люди.
Не ножи, а коварство людей
Причиняет мне острую боль,
И до мозга костей,
И до мозга костей
Эта боль сверлит меня,
Гнетет мою душу.

Больше всех ела девушка, предавшая рыбу. Но по мере того как она ела, она становилась все больше; и после еды она продолжала раздуваться и, когда достигла размеров убитой рыбы, вдруг лопнула и превратилась в стайку рыбок — зеленых, красных, серебристых и золотых, маленьких и больших, круглых и продолговатых. На месте, где сидела девушка, возник стремительный поток, и рыбки весело поплыли к большой реке, где раньше жила Интырья. Постепенно они разбрелись по всем рекам и морям, и люди часто ловят их при помощи запруды, как в былые времена поймали они Интырью.

12. ОТКУДА ВЗЯЛИСЬ ГОРЬКИЙ ПЕРЕЦ И СЛАДКИЙ ПЕРЕЦ

У одной женщины вскочила на ногу шишка. Росла она, росла да и лопнула. И вышли из этой шишки близнецы: у одного глаза озорные да вороватые, у другого — добрые и спокойные.

— Здравствуй, мама,— сказали мальчи-
ки.— А где отец?

— Отец работает в поле,— ответила мать.

Пошли братья в поле. Видят, отец их землю вскапывает.

— Здравствуй, отец,— сказали мальчишки.— Мы — твои сыновья и пришли помочь тебе. Мы сегодня родились.

Отец только рот раскрыл от удивления. А братья в этот день всю работу выполнили, как примерные сыновья, и пошли домой.

Дали родители имена своим сыновьям. Озорного назвали Нанзу-биси, а спокойного — Нанзу-кара. Утром Нанзу-биси стал уговаривать брата бежать из дому и отправиться путешествовать. Очень уж не хотелось ему выходить на работу! Нанзу-кара жаль было покидать родителей, но он любил брата и не хотел отпускать его из дому одного. И отправились они вдвоем странствовать.

Шли они, шли и встретили женщину с привязанным за спиной ребенком, работавшую в поле.

— Давай, мать, мы поможем тебе,— предложил Нанзу-кара.

— Что ж, помогите,— ответила женщина.— Вот возьмите этого кузнечика, поджарьте его и накормите моего сына.

Взяли братья ребенка и кузнечика, отошли в сторону, стали разводиться огонь. Только пока Нанзу-кара собирал хворост, Нанзу-биси схватил ребенка и стал его жарить.

— Что ты, что ты! — закричал Нанзу-кара, когда увидел, что делает брат.— В своем ли ты уме? Перестань сейчас же!

Но Нанзу-биси только смеялся. Когда ребенок был изжарен, Нанзу-биси стал тыкать кузнечика носом в мясо, но кузнечик ни за что не хотел есть его. Побежал Нанзу-биси к женщине и говорит:

— Я сделал все, что ты велела: разжег огонь, поджарил ребенка, но кузнечик не хочет его есть!

— Что за глупые шутки,— проворчала женщина и пошла к дому. Тут она увидела своего мертвого сына, заплакала, закричала, побежала за братьями, но они бегали быстрее ее, и ей не удалось их догнать.

Когда женщина отстала, братья перевели дух и пошли дальше. По дороге Нанзу-кара выговаривал брату:

— Что ты наделал! Ты доставил бедной матери большое горе. Зачем ты озорничаешь так?

Но Нанзу-биси только смеялся.

Повстречали братья старика, молотившего просо. Вызвались они помочь ему, и старик предложил им наполнять корзины зерном и носить их в усадьбу. Путь к усадьбе лежал через ручей. Нанзу-кара работал добросовестно, перебирался через ручей и доставлял зерно в усадьбу, а Нанзу-биси ленился переходить ручей и все зерно высыпал в воду. Никакие увещания брата на него не действовали.

Захотел старик проверить, как братья работают, и обнаружил в ручье целую запруду из зерна. С бранью побежал он за ребятами, да где старому за малыши угнаться!

А братья между тем добежали до города и увидели дворец набы. У дворца росло дерево, под которым наба обычно отдыхал. Уговорил Нанзу-биси брата залезть на это дерево. Сидят братья на дереве и ждут, что будет. Вот вышел из дворца наба со своей свитой и уселся под тем деревом, на котором сидели братья. Нанзу-биси подумал-подумал, да и плюнул наба на голову.

— Нельзя, нельзя! — закричал ему Нанза-кара, а наба поднял голову и посмотрел на дерево.

— Тьфу! — во второй раз плюнул Нанзу-биси и попал прямо в лицо набе. Разгневался тот, приказал дерево рубить.

— Видишь, к чему привело твое озорство,— сказал Нанзу-кара.— Теперь нам конец.

Но Нанзу-биси только смеялся.

Когда дерево готово было упасть, ящерица, сидевшая на ветке, подняла голову, и дерево снова выпрямилось. Нанзу-биси достал нож.

— Не тронь ящерицу! — крикнул Нанзу-кара, но брат не обратил внимания на его слова и убил ящерицу. Однако кровь ящерицы, оставшаяся на ветке, мешала дереву упасть. Тогда озорник стал счищать ее ножом.

Покачнулось дерево и начало падать, как вдруг откуда ни возьмись Зуа-гриф! Подхватил обоих братьев и полетел прочь. Нанзу-кара был спокоен, а Нанзу-биси ворчал:

— Грязнуля ты, Зуа, вот что. Питаешься падалью, а моешься, как видно, редко. Фу, как скверно от тебя пахнет! — и он вытащил нож.

— Не трогай ты грифа,— урезонивал брата Нанзу-кара.— Разве ты не понимаешь, что, если он бросит нас, мы разобьемся?

Но Нанзу-биси, как всегда, не послушался разумного брата и уколол грифа ножом. Гриф разжал когти, и братья упали в чей-то огород. Они глубоко вошли в землю и проросли. На месте, где упал озорник, вырос маленький горький перец, который люди называют Нанзу-биси, а там, где упал добрый и разумный брат, вырос крупный и сладкий перец Нанзу-кара.

13. КАК ПОЯВИЛИСЬ ПЛЕТКИ

Однажды, гуляя по лесу, господин Патыринарга нашел под деревом изящную деревянную тарелку.

— О, какая красивая тарелка! — воскликнул он, но тарелка вдруг возразила:

— Нет, в бездействии я совсем некрасива!

— Что же ты умеешь делать? Покажи мне! — сказал удивленный паук.

Не успел он договорить, как тарелка до краев наполнилась дымящимся жарким из курицы с рисом.

Паук наелся до отвала и пошел домой. А в то время в лесу был голод, и жена подала ему весьма скудный ужин.

— Я не хочу есть, отдай еду детям,— величественно произнес паук.

Дети с радостью съели его порцию. То же самое произошло и на следующий, и на третий день. Паук ел то, чем кормила его волшебная тарелка, а дома «великодушно» отдавал свою еду детям.

От вкусной и обильной пищи Патыринарга раздобрел, и жена стала подозревать, что он утаивает от семьи какую-то добычу: можно ли так потолстеть, изо дня в день отказываясь от еды?

И вот она поручила детям проследить, куда ежедневно ходит их отец и чем занимается. Однажды, когда паук вышел из дома, дети потихоньку отправились за ним и увидели, как он пировал в одиночестве. Как только отец ушел, дети бросились к волшебной тарелке и хором закричали:

— Ой, какая красивая тарелка!

— О нет, в бездействии моя красота ничто! — ответила тарелка.

— Ну покажи же, на что ты способна! — отозвались дети, и тарелка доверху наполнилась рисом и мясом.

Наелись паучата и решили:

— Надо быть благодарными и вымыть тарелку.

Взялись они все вместе за тарелку, и вдруг — крак! — тарелка выскользнула из их рук и разбилась вдребезги.

Прибежали паучата домой и все рассказали матери. И досталось же пауку, когда он вернулся домой! Жена кричала:

— Ах ты, жадина! Совсем не думаешь о семье, прорва этакая!

«Ну погодите же,— думал паук, косясь на паучат,— я вам это припомню!»

На другой день побегал он к заветной тарелке, но, увы, на ее месте нашел только плетку, но такую великолепную, что не выдержал и проговорил:

— О, какая красивая вещица! (Он ведь не знал, как она называется, потому что это была первая плетка, появившаяся на земле).

— Нет, в бездействии я некрасива! — сказала плетка.

Не знал паук назначения этой вещи, поэтому спокойно попросил:

— Покажи же, что ты умеешь!

Плетка тотчас взвилась вверх и начала стегать паука, а он только кричал да охал, не зная, как освободиться.

Наконец маленькая птичка пожалела паука и пропищала: — Скажи ей: «Хватит! Я доволен!» — и она перестанет.

— Хватит! Я доволен! — крикнул паук, и плетка тотчас брякнулась на прежнее место.

Но паук не ушел, а залез на дерево и притаился: он знал, что дети его захотят полакомиться рисом и придут искать тарелку. «Это будет для них хороший урок!» — думал паук. Вскоре паучата появились под деревом, но вместо тарелки увидели плетку.

— Мне эта штука не нравится. Давайте-ка уйдем отсюда, пока не поздно! — предложил младший паучонок. Но старший прикрикнул на него:

— Как ты смеешь решать что-то в присутствии старшего!

Чтобы сохранить свое достоинство, старший сын паука должен был обязательно поступить по-своему, и, хотя самому ему было страшно, он сказал:

— Ой, какая красивая вещь!

— Нет, в бездействии я некрасива! — возразила плетка.

— Ну, покажи, что ты можешь делать! — дрожа от страха, пролепетал паучонок, и плетка начала плясать по его спине и по спинам других паучат. А паук сидел на дереве и злорадствовал. Когда паучата были исклестаны с головы до ног, он сжался над ними и крикнул им с дерева:

— Скажи ей: «Хватит! Мы довольны!» — и она уймется.

— Хватит! Мы довольны! — закричали дети, и плетка шлепнулась на прежнее место.

Паук слез с дерева и сказал паучатам:

— Это вам наука, дети: не приучайтесь следить за родным отцом, а тем более доносить на него!

С этими словами он взял плетку, разломал ее на мелкие части и обломки разбросал. Он думал, что уничтожил плетку, но на самом деле превратил одну большую плетку в множество мелких: они были найдены разными людьми, и с тех пор во многих домах появились плетки, которыми наказывают злых и непослушных детей.

Поспорили однажды слон с петухом, кто может больше съесть.

— Смешно даже спорить об этом,— сказал слон.— Сравни наши животы. В каком из них умещается больше пищи?

— И все-таки я ем больше твоего,— настаивал петух.

Тогда они решили пойти ко льву — царю леса. Пусть их рассудит. Выслушал лев слона и петуха и сказал:

— Я рассужу вас. Ступайте в лес и наедайтесь там досыта. А вечером приходите ко мне сытые.

Так они и сделали. Слон до отвала наелся разных плодов, петух вдоволь наклевался зерен, и вечером оба явились ко льву. Вдруг петух увидел слоновий навоз. По извечной привычке он бросился под ноги слону, стал разгребать навоз и что-то выклеивать из него. Тогда лев сказал слону:

— Теперь тебе должно быть ясно, что в обжорстве никто не может тягаться с куриным племенем. Вот ты насытился и освобождаешься от съеденной пищи, а петух хоть и сыт, но при виде пищи приходит в волнение и в любой момент способен есть еще. Разве не справедливо я поступлю, если отныне объявлю петуха царем обжор?

Согласился слон с тем, что это будет справедливо. С тех пор обжору и чревоугодника сравнивают с петухом или курицей.

КАК ПАУК СТАЛ МАЛЕНЬКИМ

Известно, что господин Патыринарга был в свое время рослым и сильным и свободно разгуливал там, где ему вздумается. О том, как он уменьшился в размерах и почему не любит появляться на людях, а предпочитает скрываться в углу у самого потолка, рассказывают много разных историй. Вот некоторые из них.

15. ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ

Паук знал, что у льва, жившего неподалеку от его дома, много всякой живности. Были у льва и псарки, а до их яиц паук был большой охотник. Надумал он однажды натаскать домой яиц из гнезд цесарок. А на такое дело можно идти, конечно, только ночью. Да вот беда: ночи стоят темные, в двух шагах ничего не видно. Решил хитрый паук взять себе в товарищи светлячка: у того фонарь всегда при себе. Согласился светлячок пойти с пауком на добычу, не знал он тогда ничего о вероломстве паука. Но едва только они добрались до птичьих гнезд и стали оттуда яйца вынимать, как паук повел себя совсем не по-товарищески: все мое да мое, все яйца себе забирает, у светлячка из рук вырывает и в свой мешок складывает. Обидно стало светлячку, решил он проучить паука за жадность и улетел прочь. Остался паук в темноте. Взвалил он мешок с яйцами на спину и побрел куда глаза глядят. Долго он полз вслепую, устал, спать захотел. Увидел светлое пятно, пошел на свет. Оказалось, это окно лесной хижины. «Вот хорошо,— подумал паук,— здесь я переночую». Постучался он в дверь и вдруг затрясся от страха: сам лев открыл ему дверь.

— Заходи, Патыринарга,— сказал лев,— да только не пойму, почему ты в такую пору пожаловал.

— Я, господин Быгыны, слышал, что умерла твоя почтенная матушка,— заговорил паук, не растерявшись.— Давно хотел навестить тебя, да вот только сегодня удалось к тебе выбраться! — С этими словами паук передал льву мешок с яйцами.

— Гм,— сказал лев, мать которого пребывала в добром здравии,— у меня действительно умерла мама. Я рад, что ты вспомнил обо мне. Сейчас жена приготовит эти яйца, а ты сядь с нами ужинать.

У паука от голода в животе бурчит, но признаться в этом он боится, ломается:

— Благодарю покорно, я сыт; к тому же я все яйца да яйца ел в последнее время, так что больше уже мне не хочется.

«Ладно, плут негодный,— думает лев.— Я тебя проучу».

Сели за стол лев и львица, наелись до отвала яиц, собрали скорлупу и высыпали в углу комнаты. Знал лев, что голодный паук отправится ночью обглаживать яичную скорлупу, и незаметно сунул в нее скорпиона. Когда все легли и потушили свет, паук пополз к скорлупе, но едва коснулся ее, как скорпион больно укусил его за руку. Вскрикнул паук, застонал.

— Что с тобой, гость мой? — спросил лев.

— Ох, ничего,— сквозь слезы отвечал паук,— матушку твою покойную вспомнил.— А сам думает: «Погоди же, отомщу я тебе за скорпиона».

Видел паук, что у самого выхода из хижины льва привязан большой козел. «Уведу козла,— думает паук,— это будет мне наградой за потерянные яйца и за скорпиона». Но как ни хитер был паук, лев догадался о его замысле. Пошел лев, отвязал козла и увел его в другое место. А там, где прежде стоял козел, лев привязал себя.

Через некоторое время паук сказал, что ему надо выйти по нужде. Выбравшись из пещеры, он бесшумно отвязал льва и, воображая, что это козел, потащил его к своему дому. Было еще темно, но дорога от дома льва была знакома пауку, и он бежал довольно быстро. Вдруг загредел гром, блеснула молния, и при ее свете паук увидел льва. Ни жив ни мертв от ужаса, паук бросил было веревку и хотел бежать, но лев приказал ему взять веревку и вести его дальше. Повиновался паук. Ведет льва, потом обливается от страха. Вот подошли они к дому паука, и он попросил льва подождать минуту, привязал его к дереву, а сам вбежал в дом и крикнул жене и детям, чтобы они спасались на потолок. Все пауки подпрыгнули и ухватились за потолочные перекладины. Лев же, подождав немного паука, перегрыз веревку и вошел в дом.

— Ладно,— усмехнулся он, увидев паучью семью на потолке,— я подожду, мне не к спеху.

И он разлегся посреди комнаты, на потолке которой висели пауки. Прошло полчаса. Младший сын паука почувствовал, что больше не может держаться.

— Отец, я очень устал,— простонал паучонок.

— Что ж, прыгни вниз,— сердито проворчал отец.— У льва будет хороший завтрак.

Паучонок сорвался и упал, и лев проглотил его. Еще через полчаса второй сын паука пожаловался на усталость.

— Разве ты не видел, что случилось с твоим братом? — буркнул паук.

Но и второй его сын упал и тоже был сразу съеден львом.

Через час потеряла силы и жена паука.

— Я падаю, падаю,— застонала она.

— Что ж, падай! — крикнул паук.— Только не скажешь ли ты, где теперь наши дети? Не кажется ли тебе, что они в желудке у льва?

Но паучиха упала и разделила участь своих детей.

В конце концов устал и паук. Чувствуя, что силы покидают его, он стал лихорадочно искать выход из положения. «Вот если бы мне добраться до угла,— подумал он,— я мог бы просидеть там сколько угодно: в углу под потолком есть выступ, на котором всегда можно посидеть и отдохнуть».

— Господин Быгыны,— проговорил паук,— я сейчас упаду. Погляди, какой я жирный: если я упаду на пол, жир мой разбрызгается и от меня ничего не останется. Вот если бы ты принес из кухни пепла и положил побольше здесь, на полу, я бы упал в мягкий пепел и весь жир остался бы во мне.

Льву слова паука показались убедительными. Он натаскал пепла в комнату и сделал из него большую кучу в том месте, куда должен был упасть паук.

— Теперь раскрой пошире глаза и рот,— сказал паук,— чтобы я, чего доброго, не успел от тебя улизнуть.

«Хм, как, оказывается, глуп Патыринарга,— подумал лев,— сам помогает мне поймать себя». И он широко раскрыл пасть, вытаращил глаза, а паук плюхнулся в грудку пепла.

В тот же момент клубы пепла взвились вверх и залепили льву глаза и рот. Пока лев отплевывался и протирал глаза, паук сделал большой скачок и повис в углу под потолком, куда он мечтал попасть. Но, увы, это был уже не тот жирный и крупный паук, которого хотел съесть сам лев. От стыда за неудачу этой ночи, за бессилие своего прославленного ума, при

мысли о том, что теперь все узнают о его жадности и вероломстве, паук весь сжался и стал таким маленьким, каким теперь все его знают. С тех пор он висит под потолком в углу комнаты и редко спускается вниз, потому что гордость его жестоко страдает; боясь насмешек, он избегает встречаться с людьми.

16. ИСТОРИЯ ВТОРАЯ

У одного набиа был слон, который умел играть в вари *. Выигрывая у людей, он так радовался, что начинал хохотать и размахивать хвостом.

Однажды паук, наблюдая это, подумал: «Хорошо бы в такой момент прыгнуть к слону под хвост, проникнуть в его внутренности и набрать там мяса побольше». Задумано — сделано. На другой день паук взял нож и мешок и отправился к дому набиа. Скоро около дома началась игра в вари. Первую же партию выиграл слон. Обрадовался он, захохотал, поднял хвост, а Патыринарга только того и ждал. Вмиг очутился он у слона под хвостом, пролез в его внутренности, стал быстро отрезать ножом мясо и прятать в мешок. А когда слон снова захохотал, паук выскочил из него и побежал домой.

Каждый день паук стал ходить на добычу в утробу слона. Сытно зажила паучья семья. А время было голодное, и приятель паука Кундунгу был удивлен, что паук так раздобыл.

— Что ж ты, — упрекнул его Кундунгу, — говоришь, ты мне друг, а не можешь научить меня добывать пищу!

— Хорошо, — сказал паук, — завтра пойдем вместе.

Назавтра пошли они вдвоем к дому набиа. Паук стал учить Кундунгу, что надо делать, но попросил не трогать сердца слона — ведь если слон умрет, им не выбраться. Кундунгу обещал повиноваться пауку, но едва очутились они в брюхе слона, Кундунгу не выдержал, устремился к его сердцу и уже щелкнул было зубами, но паук вовремя оттащил его за хвост. Однако сердце слона было таким жирным и аппетитным, что Кундунгу не в силах был противиться соблазну, и, когда паук, забыв о нем, отвернулся, Кундунгу вмиг очутился около сердца, прокусил его зубами, и слон тут же рухнул замертво.

— Что ты наделал, дурная башка! — закричал паук. — Сейчас слона разрежут, чтобы посмотреть, что погубило его, и увидят нас с тобой. Ну, что теперь делать? Прячься скорее поглубже в его кишки!

Полумертвый от страха, Кундунгу полез в слоновьи кишки и зарылся в них, а умный паук забрался в желчный пузырь.

Между тем набиа приказал вскрыть тушу слона и найти причину его гибели. Он приказал также пригласить на совет паука, — ведь всем известно, что господин Патыринарга умом превосходит всех обитателей леса.

Стали люди набиа резать тушу, добрались до внутренностей, отрезали желчный пузырь и отбросили его далеко в сторону. Паук быстро выбрался из пузыря и поднял крик:

— Что вы наделали! Набиа пригласил меня на совет, а вы запустили в меня желчью, испачкали мне платье. Как я предстану в таком виде перед очами набиа?

Заохали слуги набиа, нагрели воду, обмыли паука, усадили за стол.

— Теперь слушайте меня, — сказал паук. — Ничего больше не ищите во внутренностях Вобугу, а перевяжите тушу, чтобы не вывалились кишки, и бейте палками по слоновьему животу, да не слушайте, если покажется вам, что брюхо его разговаривает!

Сделали люди так, как сказал паук. Перевязали слону брюхо и стали бить по нему дубинами.

— Эй, погодите, я хочу вам сказать... — закричал несчастный Кундунгу в брюхе слона.

— Не надо, не хотим ничего слушать, — отвечали люди, продолжая его избивать.

— Я только хочу сказать...

— Не надо, не надо, не хотим!

Замолчал волк.

— Теперь развяжите тушу и посмотрите, что там в кишках! — сказал паук.

Развязали люди тушу, нашли в ней мертвого Кундунгу.

— Вот видите, — сказал паук, — я же знал, что это жадный Кундунгу погубил слона.

А сам думает: «Эх ты, глупая волчья голова! Тебе бы сразу крикнуть: «И Патыринарга был со мной!» — а ты все «хочу сказать» да «хочу сказать». Глупость и жадность погубили тебя. А умному, как я, ничего не страшно!»

Узнал набиа, как ловко паук обнаружил причину гибели его любимца, похвалил паука, велел накормить получше, а Кундунгу — ободрать и сварить.

Бросили люди тушу Кундунгу в дуку с кипящей водой, а паука сытно накормили и спать уложили. Только не спится пауку: знает он, что ночью дуку с мясом останется на огне, и не дает ему покоя мысль, что можно это мясо украсть. В полночь встал он, подкрался к огню. Кругом никого нет. Решил он взвалить тушу Кундунгу на голову и бежать обычной смекалка изменила ему: забыл он, что мясо лежит в кипящей воде, выхватил тушу, взвалил на голову и тут же взвыл, ошпаренный.

Сбежались люди, помогли пауку сбросить с себя горячее мясо. Может быть, ему и не сказали бы ничего, да ведь стыдно было ему, гордому Патыринарге: все видели, что он украл мясо. От стыда сжался он в комочек, быстро побежал к ближайшему дому, взлетел под потолок и повис в углу на тонкой паутине. С тех пор он там и висит.

17. ИСТОРИЯ ТРЕТЬЯ

У паука умерла теща. Пригласил его тесть на поминки. Вышел паук из дома и громко спросил, кто из зверей составит ему компанию. Вызвался Кундунгу, приятель паука. Кундунгу глуп, вот хитрому и алчному пауку и выгодна его дружба.

Отправились паук с Кундунгу в дом тестя паука. По дороге видят: банановая гроздь висит на ветке, да такая зрелая, что вот-вот на землю плюхнет. Слюнки текут у обоих, но жадность не позволяет им поделиться бананами, каждый мечтает съесть их в одиночку. Только Кундунгу глуп, придумать ничего не может, а паук находчив, он сообразил, что нужно сделать. Оставил он под банановым деревом свою трубку, а когда они отошли на некоторое расстояние, вдруг сказал:

— Эх, вот беда! Трубку потерял где-то по дороге! Ты иди помедленнее, я тебя догоню!

Кундунгу послушно замедлил шаги, а паук вернулся к банану, съел плоды, взял трубку и нагнал приятеля.

Идут они дальше. Паук говорит:

— Если спросят, чем нас угощать, проси плантенов*.

— А что ты будешь есть? — спрашивает Кундунгу.

— Ну, я, наверно, вовсе ничего не буду есть: тещу-то я любил!

Вот приходят они в дом тестя паука. Спрашивают их, чем угостить дорогих гостей. Кундунгу просит плантенев.

— Что это у тебя такое скромное желание, — удивляются хозяева, — проси еще что-нибудь!

— Нет, я бы хотел плантевов и перцу, и больше ничего, — отвечает Кундунгу, а сам думает: «И зачем только я пошел сюда, зачем с Патыринаргой связался! Думал, поем на поминках досыта, а тут изволь перцем да плантевами пробавляться!»

Еще обиднее стало ему, когда он услышал, что паук потребовал для себя сакуру * и вареную курицу.

Когда паук раздулся от обильного ужина, легли спать. Ночью у паука расстроился желудок, и он испачкал циновку, но, чтобы избежать позора, вымазал спящего Кундунгу. Утром увидели все это хозяева, возмущаются:

— Кто это так набезобразничал?

— Это нетрудно выяснить, — говорит паук, — стоит только осмотреть всех.

Стали осматривать Кундунгу, у него хвост оказался грязным. Побили его и выгнали из дома. Бежит Кундунгу по лесу, воеет от обиды.

На другой день опять отправился паук на тещины поминки. Стал спрашивать зверей, кто пойдет с ним. На этот раз вызвалась мышь. Но с ней случилось то же, что и с Кундунгу. Еще через день пошел с пауком козел. И он ушел из тещино дома побитый. Ходит по лесу, плачет. Услышала его плач Манга — маленькая обезьяна, спросила, в чем дело. Козел ей все рассказал.

— Э, — сказала обезьянка, — знаю я этого негодяя Патыринаргу. Как это похоже на него! Но не печалься, я отомщу ему за тебя!

И вот в следующий раз, когда паук стал приглашать на поминки, вызвалась Манга. Идут паук и обезьяна по лесу, видят банановое дерево. Паук незаметно оставил под кустом трубку, а когда они немного отошли от куста, вдруг сказал:

— Увы, я потерял свою трубку. Подожди меня немного, я найду ее и вернусь.

— Успокойся, — ответила обезьяна, вынимая из кармана трубку, — вот твоя трубка!

Паук вспотел от досады, но притворился обрадованным:

— Ну и умница же ты, Манга! Выручила меня!

Пришли они в дом тестя паука. Наелись, спать улеглись. Обезьяна положила около своего хвоста остро наточенный нож и спокойно уснула. Ночью, когда паук хотел вымазать обезьяне хвост, он наткнулся на нож, порезался, шарахнулся от испуга и нечаянно вымазался сам. Улегся на свое место, стонет от боли и досады, даже почиститься забыл.

Утром стали хозяева проверять, кто набезобразничал, видят, обезьяна чистая. Стали к пауку подбираться, а он как закричит не своим голосом:

— Нет, нет, нельзя, не хочу!

Схватили его хозяева, а он вертится, отбивается, не дает осмотреть себя. И все-таки общими силами повернули паука и увидели, что он грязен.

Не успел никто слова вымолвить, как паук, сжавшись от стыда в комочек, метнулся в угол и повис на тонкой паутине под самым потолком. С тех пор он оттуда почти не спускается: совестно ему.

18. ИСТОРИЯ ЧЕТВЕРТАЯ

Однажды в лесу был голод. Решили звери общими силами обрабатывать поле. Вырастили они на нем и рис, и ямс, и помидоры, и кукурузу. Когда все это стало созревать, паук сказал:

— Чувствую я, друзья мои, что скоро отойду к предкам. Прошу вас, похороните меня на этом поле.

— Что ты, что ты, Патыринарга! Почему ты думаешь, что умрешь? Живи на здоровье! — заговорили добрые звери.

— Нет, нет, — заплакал паук, — скоро мне конец. Но смерть меня не пугает. Мне жаль только покидать это поле, в которое вложено столько трудов.

— Ну, ну, не плачь, похороним тебя на поле! — обещали растроганные звери.

— Только не очень глубоко, — попросил паук, — а то мне трудно будет дышать!

— Да, да! — сказали звери. — Мы похороним тебя у самой поверхности!

И действительно, вскоре паук околел. Взяли его звери и понесли на поле, хотя Манга-обезьяна возражала против этого:

— Паук всегда был негодяем и пройдохой, нельзя хоронить его на нашем поле.

Но звери не только не послушались обезьяны, но еще и попеняли ей на то, что она бранит мертвого.

Ночью паук выкарабкался из своей могилы, наелся овощей, положил еще про запас в корзину, в которой звери похоронили его, и полез обратно. И на другую ночь он сделал то же, и на третью. Заметили звери, что кто-то овощи ворует, и решили по очереди сторожить поле. Но никто из них не мог выследить паука, все рано или поздно засыпали. Дошла очередь до обезьяны, но она ни за что не хотела провести ночь без сна.

— Вот еще! Я и без того знаю, что овощи ворует паук. Не стану я отказываться от отдыха из-за этого негодяя! — сказала она.

— Глупости ты говоришь, — проворчал бегемот. — Патыринарга давным-давно умер. Где это видано, чтобы мертвецы питались помидорами и кукурузой?!

И все звери стали смеяться над обезьяной. Тогда обезьяна смастерила пугало, нарядила его в платье из липкой материи, поставила у самой могилы паука и ушла спать.

Ночью выбрался паук из своей могилы, увидел пугало, рассердился, закричал:

— Ты что делаешь на моем поле? Живо убирайся!

Пугало в ответ не шевельнулось. Паук подошел поближе к пугалу и снова закричал. Пугало ни с места. Тогда паук подошел к нему совсем близко и проговорил:

— Если ты сейчас же не уберешься, я ударю тебя.

Пугало — ни слова. Тогда паук с размаху ударил пугало по лицу, но оторвать от него руку уже не смог.

— Э, отдай мою руку! — закричал паук. — Не отдашь? Ну, смотри: в правой руке у меня еще больше силы. Что будет, если я ударю тебя правой рукой?

Пугало — ни звука. Размахнулся паук, ударил пугало правой рукой и снова прилип.

— Пусти, пусти! — вопил он. — Подумай: если я ударю тебя ногой, ты будешь есть песок! *

Снова пугало не ответило пауку. Разозлился паук, стал

бить пугало левой ногой, потом правой и обеими ногами прилип к чучелу.

— Ну, ну, ну! Довольно шутить. Последний раз предупреждаю: ударю животом и убью до смерти!

И на этот раз промолчало чучело. Бедный паук прилип к нему всем туловищем и замолк. Так провисел он до утра. Утром пришла Манга. Стала она плясать вокруг паука и смеяться. На ее голос собрались все звери, спрашивают, что случилось.

— Я предупреждала вас, что нельзя хоронить на этом поле паука, но вы не захотели меня слушать. Сказала я, что паук крадет овощи,— вы подняли меня на смех. Ну, а теперь что скажете?

Признали звери свою ошибку, свою неосмотрительность. Стали они паука от пугала отдирать. И как только освободилась его последняя нога, сжался паук от стыда, рванулся из рук зверей, кинулся в ближайший дом, взвился к потолку и повис в углу на ниточке, что зовется паутиной.

19. ИСТОРИЯ ПЯТАЯ

Однажды во время голода Патыринарга заметил, что Панга-кузнечик не только не худеет, но как будто даже начинает полнеть, да и дети его быстро растут, хорошеют, тело их лоснится, мускулы крепнут. Решил паук проследить за кузнечиком и обнаружил, что, приходя домой, кузнечик просит жену подать ему раскаленную сковороду, потом вскакивает в нее, перекачивается с боку на бок и приговаривает:

Прыгну влево — будет жир.

Прыгну вправо — будет жир.

Шлепнусь на бок — будет жир...

Кузнечик кувyrкается, а сковорода постепенно наполняется жиром. «Э, вот в чем секрет,— подумал паук.— Панга поджаривает свои бока, и жир вытапливается из него. А разве я не могу сделать того же?»

Невдомек было пауку, что кузнечик обладал волшебной силой. Побежал он домой и потребовал у жены раскаленную

сковороду. Удивилась жена, стала ворчать, что жарить на сковороде все равно нечего. Но паук прикрикнул на нее, и она сделала то, что он приказал: накалила сковороду и поставила на стол. Недолго думая, прыгнул паук на сковороду и начал было петь:

Прыгну влево...

Но не успел произнести и трех слов, потому что сильно обжегся. Взвыл паук от боли, подпрыгнул высоко-высоко, ухватился за потолочные балки, сжался в комочек от горькой обиды на весь мир и навсегда остался висеть в углу под потолком. До сих пор не может он забыть своей обиды.

20. ИСТОРИЯ ШЕСТАЯ

Однажды все звери собрались вместе и выкопали большую яму, чтобы сложить туда зеленые плоды для дозревания. В лесу в это время было голодно, и звери объединились, чтобы вместе добывать пищу. Только уже в первые дни заметили они, что кто-то разрывает землю на том месте, где они спрятали плоды. Стали они свой склад сторожить, но поймать вора не удавалось. Между тем, когда яму разрыли, оказалось, что многие плоды украдены. Как было найти вора? Тогда обезьяна предложила по очереди прыгать в реку и просить воду поглотить вора. Она первая прыгнула в реку и запела:

Если я воровка — пусть утону я!
Пускай, пускай утону я!
Вот я ноги погружаю, погружаю...
Пускай, пускай утону я!

Но сколько она ни пела, сколько ни плавала — вода не сомкнулась над нею, и все поняли, что обезьяна невиновна в краже плодов.

Потом кабан плюхнулся в воду и захрипел:

Если я орехи взял — утону я!
Пускай, пускай утону я!
Вот я ноги погрузил — утону я!
Пускай, пускай утону я!

Ясно было, что кабан тоже ни в чем не виноват, потому что он не тонул, несмотря на всю свою неуклюжесть.

Дошла очередь до паука. Попытался он было под разными предложениями уклониться от этого испытания. Но звери настаивали, и пауку ничего не оставалось, как подчиниться им. Вошел паук в воду и запел:

Если вор я, то пускай утону я!
Пускай, пускай утону я!
Вот я ноги погружаю, погружаю...
Пускай, пускай утону я!

И тут звери обнаружили, что Патыринарга постепенно погружается в воду! Они подождали еще немного, чтобы удостовериться в этом, а паук все продолжал погружаться, бойко выкрикивая:

Пускай, пускай утону я!

Тогда звери вошли в реку, взяли за паука и общими усилиями выволокли его на берег. Едва почувствовав твердую землю под ногами, паук вырвался из рук своих товарищей, кинулся в ближайший дом и, уменьшившись до неузнаваемости, забился в уголок под крышей, потому что ему было невыносимо стыдно перед людьми: ведь люди считали его мудрым и гордым, а теперь увидели, что он просто жалкий воришка.

21. ЯСТРЕБ И ЧЕРЕПАХА

Подружились как-то ястреб и черепаха. Очень долго и крепко дружили они, но однажды Сулюгу-ястреб сказал черепахе:

— Плохо, что ты маленькая и медлительная. Что если у меня умрет мать! Ведь ты не сможешь даже вовремя прийти на поминки!

Но черепаха возразила:

— В этой жизни смекалка гораздо важнее силы и роста. Когда твоя мать отправится к праотцам, сообщи мне, и я немедленно явлюсь к тебе.

Ястреб усмехнулся, но промолчал. А когда, спустя много времени, у него умерла мать, он послал к черепахе грифа. Гриф сообщил черепахе о постигшем ее друга горе.

— Лети к Сулюгу,— сказала черепаха,— и передай ему, что я скоро приду. Потом прилетай обратно, а я за это время соберу кое-что ему в подарок. Если ты не застанешь меня по возвращении, забирай мою сумку и лети к Сулюгу: в сумку я сложу свои подарки.

Гриф вернулся к ястребу и рассказал ему все, что слышал от черепахи. Ястреб покачал головой и сказал:

— Конечно, бедняга не доползет вовремя. Хоть она и говорит, что в жизни смекалка важнее роста и силы, но я-то знаю, что это пустые слова. Впрочем, я хочу получить ее подарки, так что лети и заведи ту сумку, о которой она говорила.

Гриф снова полетел к черепахе, нашел в ее пещере обещанную сумку, взял ее, вернулся к ястребу и положил сумку около него.

— Ну вот,— с грустной усмешкой сказал ястреб,— а черепахи все нет. Знал я, что ей вовремя не подоспеть.

Не успел он произнести эти слова, как увидел выползающую из сумки черепаху.

— Ну, видишь теперь,— сказала она,— что в этой жизни смекалка важнее всего?

22. ЛЕВ И МЫШЬ

Бежала по лесу маленькая Чамбарга-мышь и увидела яму, в которой сидел лев. Хотела она пробежать мимо, но лев обратился к ней с просьбой помочь ему выбраться из ямы.

— Век не забуду твоей услуги, маленькая Чамбарга!

Недолго думая, сбегала мышь за веревкой, обвязала ее вокруг дерева и спустила конец веревки в яму.

Ухватился лев за веревку, выкарабкался из ямы и говорит:

— Уф! Пять дней просидел я в этой проклятой яме. Проголодался, как пять львов, и готов сейчас съесть всех мышей на свете. Тебя-то уж, по крайней мере, я съем.

— Что ты, что ты, господин Быгыны! — испугалась мышка. — Ведь это я помогла тебе, и ты обещал мне быть благодарным!

— Ну и что же, — возразил лев, — я действительно благодарен тебе. Но не хочешь ли ты, чтобы я умер с голоду? Ну-ка, иди сюда!

— Нет, нет, почтенный Быгыны, спроси кого угодно, всякий скажет тебе, что это несправедливо! — сказала мышка.

В этот момент они увидели приближающегося к ним хитрого паука.

— О чем спор? — спросил Патыринарга.

— Да вот, — дрожа от страха и обиды, стала рассказывать мышь, — я помогла господину льву выбраться из ямы, а теперь он хочет меня съесть. Разве это справедливо?

— Вздор ты говоришь! — ответил паук. — Никогда я не поверю, что ты, маленькая зверушка, помогла могучему льву.

— Но спроси у него самого, верно ли я говорю.

— Да, это верно, она помогла мне выбраться из этой ловушки, — снисходительно подтвердил лев.

— О господин мой! И ты унижаешься до лжи! — покачал головой паук. — Не могу я поверить, чтобы мышь оказалась полезной льву.

— Но это правда, Зубу-бью *! — заревел лев.

— Нет, нет, не верю! — твердил паук. — Уж если вы хотите, чтобы я вам поверил, покажите мне, как все это происходило!

— Изволь, — сказал глупый лев и прыгнул в яму.

— Ну и сиди там, глупый, кровожадный зверь, на радость всем людям! — воскликнул паук. — Можешь быть уверен, что больше никто не захочет выручать тебя!

ПОЧЕМУ У ХАМЕЛЕОНА ТРЕХГРАННАЯ ГОЛОВА

23. ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ

Было время, когда у Гумачуа-хамелеона голова была круглой, как у всех людей, но, как известно, вздорность характера до добра не доводит, а хамелеон был насмешлив и упрям и однажды жестоко поплатился за это.

А дело было так. Однажды Гумачуа отдыхал, сидя на пальме. В это время мимо него прошел охотник со своей собакой. Посмотрел хамелеон вслед охотнику и заметил, что он при ходьбе выворачивает ступни в разные стороны. Это очень рассмешило хамелеона. Ему стало казаться, что и у собаки ступни смотрят в разные стороны. Тогда хамелеон окончательно развеселился.

— Ха-ха-ха! — смеялся он. — Кривоногий охотник купил себе косилапую собаку! Ха-ха-ха!

С тех пор всякий раз, когда охотник с собакой проходил мимо него, хамелеон громко и задиристо пел:

Ноги Туса кривы, кривы,
Ноги Баа косы, косы!

Разумеется, охотника эта песня очень раздражала. Сначала он по-хорошему просил хамелеона оставить свои шутки, потом, когда это не помогло, пригрозил расправиться с насмешником. Но хамелеона эти угрозы раззадоривали еще больше, и при виде охотника он громко и вызывающе распевал:

Туса криво ноги ставит,
Баа косо лапы ставит!

Не выдержал однажды охотник, поймал Гумачуа и надавал ему оплеух по левой и по правой щеке. Потом с размаху шлепнул его по макушке и пошел своей дорогой.

С тех пор у хамелеона трехгранная голова. Так поплатился он за свой дурной характер.

Сидеть на солнышке возле своей норы и задирать прохожих — любимое занятие хамелеона. Он вечно поддразнивает тех, в чьей внешности находит что-нибудь смешное, и за это часто бывает бит, так что трудно сказать, когда именно его голова утратила нормальную человеческую форму. Рассказывают много историй об этом, но большинство склонно думать, что либо голова хамелеона пострадала от руки охотника, которого он попрекал кривыми ногами, либо в этом виноват паук, над которым хамелеон все время издевался, выкрикивая вслед ему в высшей степени неприличные шутки. Всякий раз при виде паука хамелеон начинал громко петь:

Самбули ходит, чем-то он грохочет?
 У Самбули лана чань-чань!
 У Самбули лана чань-чань!

Паук и угрожал хамелеону, и по-хорошему просил его прекратить насмешки — все понапрасну. Он старался избегать встреч с хамелеоном, но нагло вытаращенные глаза отыскивали его повсюду, и повсюду преследовала его песня:

Самбули ходит, чем-то он грохочет?
 У Самбули лана чань-чань!
 У Самбули лана чань-чань!

Однажды, потеряв терпение, паук отхлестал хамелеона по щекам и стукнул по макушке. Некоторые считают, что именно после этого голова Гумачу стала трехгранной.

Большинство людей считают, что формой своей головы хамелеон обязан только своему зловредному характеру, но некоторые утверждают, что виною всему была нечаянная его оплошность. А дело было так.

Однажды в летний полдень паук, изнывая от жары, отправился к реке купаться. Вода показалась ему несколько мутной, и, будучи человеком чистоплотным, он, прежде чем войти в воду, отцепил лана и оставил на берегу, где их заметил пролетающий над рекой Сулюгу-коршун. Приняв лана за цыпленка, он быстро схватил их и полетел прочь.

Патыринарга моментально выскочил из воды и побежал вслед за коршуном, вопя на весь лес:

Сулюгу взял лана, лана, лана!

Сулюгу взял лана, лана, лана!

Но где же пауку угнаться за коршуном! Коршун давно уже скрылся из виду, а бедный паук все бежал и кричал, — он очень боялся навсегда остаться уродом.

Между тем Гумачуа вылез из своей норы и заметил парящего над его головой коршуна с какой-то добычей в когтях. Хамелеон громко хлопнул в ладоши, и коршун выронил свою добычу.

Хамелеону только этого и нужно было. Он подобрал мясо, юркнул в нору, быстро зажарил его и съел. Потом он выполз на солнышко и блаженно замер на ветке кустарника, собираясь вздремнуть после сытного завтрака. Он уже начал засыпать, когда услышал чей-то пронзительный крик:

— Сулюгу взял лана, лана, лана! Сулюгу взял лана, лана, лана!

Хамелеон выпучил глаза и увидел паука, который бежал по лесу и отчаянно вопил. Спросонья хамелеон ничего не понял.

— Какие лана? — спросил он паука.

— Мои! Мои!

— А где ты их потерял?

— Сулюгу, Сулюгу утащил их, пока я купался. Ты не видел Сулюгу?

— Видел. Он пролетал здесь. Я спугнул его, и он уронил кусок мяса.

— Где оно?! — закричал паук.— Ведь я именно это мясо ищу. Скорее давай его сюда.

— Но я его уже съел.

— Как?!!

— Да так. Съел, и все. Откуда я знал, что это твои лана?

И тогда паук надавал Гумачуа оплеух, в которые вложил столько силы, сколько досады было в его сердце. Недаром голова хамелеона навеки стала трехгранной.

26. ПОЧЕМУ У ХАМЕЛЕОНА ТАКАЯ СТРАННАЯ ПОХОДКА

Всем известно, что у хамелеона скверный характер,— об этом напоминает его трехгранная голова: ведь он сам напросился на трепку. Будь он более покладист, люди сказали бы ему просто:

— Гумачуа, не бегай так быстро, землю

искалечишь!

Но все знали, что хамелеон упрям и что, заговори они с ним таким образом, он забегал бы еще быстрее, и этим не только погубил бы себя, но и на других, чего доброго, накликал бы беду. Поэтому люди старались польстить хамелеону и всякий раз, когда он выходил из дома, пели ему песенку, в которой обращались к нему вежливо и ласково:

Гумачуа, будь осторожен,

Не продави землю!

Мбе Гумачуа, наш брат любезный,

Не продави землю!

И хамелеон, довольный и умиротворенный, замедлял шаги.

Иначе было нельзя. Ведь это происходило давно-давно, когда земля не успела еще затвердеть, так что все живые существа, обитавшие на ее поверхности, передвигались с осторожностью, боясь повредить землю, провалиться и полететь вверх тормашками неведомо куда. Один хамелеон не думал об этом и выбегал из дома так стремительно, что у всех дух

захватывало от страха и все хором обращались к нему с песней:

Гумачуа, будь осторожен,
Не продави землю!
О Гумачуа, наш брат любезный,
Не продави землю!

Польщенный хамелеон переходил на медленный-медленный шаг, и все успокаивались.

В конце концов медлительная ходьба вошла в привычку хамелеона, а вежливое обращение людей сделало его самодовольным и важным. Он чинно расхаживал по земле, то и дело останавливаясь и прислушиваясь, не раздастся ли где-нибудь милая его сердцу песня:

Брат-Гумачуа, будь осторожен,
Не продави землю!

Теперь, когда земля давно уже затвердела и все люди и звери забыли прежнюю осторожность, хамелеон продолжает ходить медленнее всех, потому что не может уже изменить привычной походки.

Еле-еле передвигая ноги, он через каждые несколько шагов останавливается и, хотя давно уже никто не поет ему никаких песен, прислушивается, надеясь еще раз услышать почтительные слова:

О Гумачуа, наш брат любезный,
Не продави землю!

27. СВАТОВСТВО ПАУКА

У одной прекрасной девушки было много поклонников, но ни она, ни ее отец ни на ком не могли остановить свой выбор, ведь они были горды и требовательны. Однажды отец сказал, что только тот получит в жены его дочь, кто съест целую тарелку горького перца и при этом ни разу не передохнет, ни разу не скажет «ух-ха!».

Многие юноши пытались есть перец, но обжигались и невольно восклицали «ух-ха!».

Тогда пришел паук и сказал, что женится на девушке. Он сел за стол и спросил хозяина:

— Ты не позволяешь во время еды говорить,— тут он взял в рот перцу и закончил фразу: — «ух-ха!»?

— Нет, не позволяю,— ответил отец невесты.

— Даже нельзя...— паук снова взял в рот перцу,— тихонько сделать «ух-ха»?

— Нет, нельзя,— сказал хозяин.

— И громко нельзя сказать «ух-ха»? — спросил паук, продолжая есть перец.

— И громко нельзя.

— Ни быстро, ни медленно нельзя говорить «ух-ха»? — глотая перец, спрашивал паук, и ему легко было есть, потому что он все время говорил, все время открывал рот и делал «ух-ха!». Но хозяин не понимал его хитрости.

— Так я ведь и не говорю «ух-ха»,— сказал паук, доедая остатки перца.

— Да, это верно,— согласился отец невесты.— Ты съел весь перец, Патыринарга, и ни разу не передохнул. Молодец! Я отдаю тебе свою дочь.

Так паук перехитрил всех и взял в жены прекрасную девушку.

28. МАЛЬЧИК И ЛЬВИЦА

Жил в лесной хижине охотник с сыном. Каждый день отец уходил в лес на охоту, а мальчик оставался дома, хозяйничал и сушил шкуры убитых отцом зверей. Однажды охотник убил Быгыны-льва. На другой день после этого он, как обычно, ушел в лес, а

мальчик расстелил шкуру льва на солнце рядом с другими шкурами. Вдруг мальчик увидел приближающуюся к нему львицу. Рассерженная за убитого супруга, львица задумала отомстить охотнику, отняв у него сына. Львица подошла к мальчику и, указывая на шкуры, стала спрашивать:

— Мальчик, это кожа чья?

— Это кожа Курычу.

— Нет, я эту не хочу.

Ну, а это шкура чья?

— Это шкура Чжанбыны.

— Нет, и это не моя.

Ну, а эта?

— Гы-ны-ны!

Львица собиралась броситься на мальчика и растерзать его, когда на ее вопрос он ответит: «Это шкура Быгыны».

Но мальчик был умен и терпелив. И когда львица, указав на шкуру льва, спросила: «А это чья шкура?» — он произнес ничего не значащее:

«Гы-ны-ны!»

Львица ушла ни с чем, но на другой день пришла снова, и весь разговор повторился:

— Мальчик, это кожа чья?

— Это кожа Курычу.

— Брать чужую не хочу.

— А вот эта шкура чья?

— Это шкура Кундунгу.

— Ну, а эта?

— Гу-гу-гу!

Снова львица ушла ни с чем. Но она стала приходиться ежедневно, надеясь рано или поздно поймать мальчика на слове и растерзать. А мальчик день ото дня все худел, потому что жил в постоянном страхе. Забеспокоился отец. Не мог он понять, что происходит с сыном: мальчик живет в полном достатке, но почему-то худеет и становится все печальнее.

— Скажи, чего тебе не хватает? — спрашивал отец у мальчика, но тот боялся сказать правду.

Наконец, одна птица рассказала охотнику, что происходит около его дома, когда он на охоте. Тогда отец сказал сыну:

— Завтра, когда львица придет, ничего не бойся. Дойдет очередь до львиной шкуры — смело называй ее. Я буду рядом.

На другой день отец не пошел на охоту, а спрятался около дома. Он был рассержен на львицу и оскорблен тем, что она вздумала мстить ему, охотнику, считавшему себя грозой леса.

В полдень пришла львица и начала обычный разговор с мальчиком:

— Мальчик, это шкура чья?

— Это шкура Кундунгу.

— Брать чужую не могу.

Ну, а эта, больше всех?

- Это Куу теплый мех.
- А вот эта шкура чья?
- Это шкура Чжанбыны.
- Значит, тоже не моя. Ну, а эта?
- Быгыны!

Зарычала львица и сделала прыжок. В тот же миг прогремел выстрел, и она упала, убитая охотником.

А что случилось бы с мальчиком, не будь у него выдержки и смекалки?

29. СКАЗКА О СЕМЕРЫХ БРАТЬЯХ И О МАЛЕНЬКОЙ ОСЕ

Жили на свете семь братьев. Шестеро из них были здоровы и сильны телом, а у седьмого были больные ноги. Часто старшие братья уходили в лес собирать сладкие плоды, а младшего оставляли дома, потому что он не мог ходить, а таскать его на руках братьям было лень. Больному мальчику очень хотелось пойти с братьями в лес, и он часто просил их:

— Братья, возьмите меня с собой. Поверьте, в трудный час я смогу быть вам кое-чем полезен.

— Чем ты, больной и слабый, можешь быть полезен нам, здоровым и сильным? — отвечали братья, но однажды все-таки уступили его мольбам и взяли с собой.

Придя в лес, братья посадили мальчика под деревом, а сами залезли на деревья и стали есть фрукты, время от времени сбрасывая их на землю младшему брату.

А в то время в лесу был голод, звери почуяли запах человека и пришли к месту, где сидели семь братьев. Младшего они не тронули, — он был болен, а звери остерегаются есть больных. Однако они быстро разыскали остальных, сидевших на деревьях, и стали кричать, чтобы те сейчас же спустились на землю.

— Чего вы ждете? — кричали звери людям. — Рано или поздно вам придется спуститься и вы будете съедены.

Но братья притаились на деревьях и не трогались с места. А младший брат вытащил из-за пазухи флейту-напоку и за-

играл. Он играл и пел песню так звонко и мелодично, что все звери помимо своей воли пустились в пляс. Больной мальчик пел:

Ти-лян-ти, мы сюда пришли
За плодами гая.
Много раз в лес ходили вы
За плодами гая.
Взять меня не хотели вы
За плодами гая.
Ти-лян-ти, ти-ти-лян-ти,
Долго вас просил я,
Наконец, тин-ти-лян-ти,
Вас уговорил я.

Мальчик пел, а звери плясали и не могли остановиться: ноги их сами двигались в такт музыке и уносили их все дальше от того места, где были братья. Сначала гиена, потом леопард скрылись за деревьями; наконец ноги увлекли в чащу леса самого льва. А мальчик продолжал петь, и звери уходили все дальше.

— Слезайте! — крикнул младший брат. — Скорее! Вы успеете добежать до дома, пока они пляшут где-то в глубине леса.

Но братья не решались спуститься с деревьев. А звери между тем вернулись, ни на миг не переставая отплясывать, потому что ноги, унесшие их далеко в глубь леса, принесли их обратно. Тогда младший брат заиграл с удвоенной силой и запел еще более проникновенно:

Ти-лян-ти, мы сюда пришли
За плодами гая!
Ти-лян-ти, тин-ти-лян-ти,
За плодами гая!
И теперь братья все мои
Наконец узнают,
Что порой слабый и больной
Сильного спасает!

Когда звери снова скрылись за деревьями, больной мальчик стал уговаривать своих братьев:

— Уходите же! В третий раз мне, может быть, не удастся их отогнать.

Тогда братья решились, слезли с деревьев и побежали домой. Они хотели захватить с собой младшего, но он сказал:

— Если я перестану играть или звуки музыки станут слабее, звери вернутся и растерзают вас.

— Но как же ты один доберешься до дома?

— Не беспокойтесь за меня. Помощь, как вы могли уже убедиться, приходит иногда оттуда, откуда ее совсем не ожидаешь.

Так все и произошло. Когда звери, вернувшись, обнаружили, что людей на деревьях нет, они поняли хитрость младшего брата и хотели броситься на него, но откуда ни возьмись появилась маленькая Салимвунга-оса и подняла мальчика над землей. Потом оса вынесла мальчика из леса, долетела до дома его отца и там осторожно опустила на землю.

Так маленький и слабый может иногда спасти большого и сильного.

30. СКАЗКА О КОЗЕ

Жила в лесной хижине Бунянга-коза с тремя козлятами. Двух старших дочерей мать любила и ласкала, а третью знать не хотела, обижала и никогда с ласковым словом к ней не обращалась. Каждый день коза уходила в лес пастись, а приходя, останавливалась у порога и пела песенку:

Малима, Малима, ме-е-е!
Малима, мама тебя зовет
И Малимию зовет,
Маламбия подождет!

Двое козлят выбегали к матери и лакомились ее свежим молоком, а бедная Маламбия безропотно оставалась в своем уголке и только после того, как сестры наедались досыта, допивала остатки материнского молока.

Однажды Кундунгу, подслушав песню козы, задумал козлятиной поживиться. Побежал он к кузнецу и попросил выковать ему тонкий, как у козы, голос.

— Это можно сделать,— сказал кузнец,— но имей в виду: если по дороге к козьему дому ты наткнешься на падаль, не прикасайся к ней. Иначе твой голос вернется к тебе!

Кундунгу согласился на это условие и получил от кузнеца козий голос. Обрадованный, поспешил он к домику козы, но вскоре увидел павшую антилопу, облепленную мухами. «Эх,— подумал Кундунгу.— Была не была! Весь день я не ел, аж в животе от голода урчит! Нельзя пренебрегать таким лакомством!» И он съел падаль.

Подойдя к козлиной хижине, Кундунгу запел басом:

Малима, Малима, ме-е-е!
Малима, мама тебя зовет
И Малимию зовет,
Маламбия подождет!

Бросились было старшие сестры дверь отворять, а Маламбия говорит:

— Что вы, что вы! Не мамин это голос, не отворяйте дверь!

Послушались ее сестры, не отворили двери, а когда мать вернулась, все рассказали ей.

— Не слушайте вы ее! — сказала мать.— Глупая она. Кроме меня, никто моей песенки не знает!

Тем временем Кундунгу вернулся к кузнецу и снова стал просить выковать ему голос, как у козы.

— В последний раз,— ответил ему кузнец.— Если ты и сегодня соблазнишься дохлятиной, пеняй на себя! В третий раз я тебе помочь не смогу.

Бежит Кундунгу к хижине козы и вдруг... около дороги видит мертвого зайца. Целый рой мух с жужжанием кружится над мертвечиной. Остановился Кундунгу, затоптался на месте. Текут у него слюнки, не уйти от мертвого зайца! Еле-еле взял себя в руки, побежал дальше. Не тронул падали. Подошел к дому козы, запел:

Малима, Малима, ме-е-е!
Малима, мама тебя зовет
И Малимию зовет,
Маламбия подождет!

Бросились сестры отворять дверь.

— Погодите! — кричит Маламбия. — Не мамин это голос!

— Ну нет! — отвечают Малима и Малимия. — Уж на этот раз мы узнаем голос мамы. Недаром она сказала, что ты глупа и не стоит тебя слушать!

Отворили они дверь, выбежали из дома, да и не вернулись. Пришла коза домой, запела свою песенку:

Малима, Малима, ме-е-е!
Тебя мама зовет
И Малимию зовет,
Маламбия подождет!

Что такое? Никто на песню не откликается, никто из дома не выбегает. Толкнулась коза в дверь — дверь заперта. Еще раз пропела она свою песню, но опять никто к ней не вышел. В третий раз пропела — снова тишина. Тогда она решила спеть по-другому:

Малима, Малима, ме-е-е!
Мама дегушек зовет,
И Малимию зовет,
И Маламбию зовет!

Выбежала дочка из своего угла, отворила дверь.

— А где же твои сестры? — спрашивает мать.

— Не знаю, — отвечает дочь. — Недавно кто-то пропел у двери твою песню, они и выбежали из дома, хоть я их и отговаривала. Потом я услышала, как они закричали, а что было дальше, я не знаю!

Посмотрела коза вокруг — на земле кровь и клочья козлиной шерсти. Поняла коза, что случилось с ее детьми. Схватила она Маламбию и, боясь, как бы Кундунгу не вернулся, умчалась с ней в лес. С тех пор коза любила свою умную и кроткую дочь, не обижала ее и никогда с ней не расставалась.

Маленькая Нинбила-птичка обладала магической силой, но этого никто не знал, кроме паука и обезьяны, и многие звери пали жертвой этой силы. Впрочем, виною всему было коварство Патыринарги.

Было время, когда и он ничего не знал. Но однажды он увидел, как под деревом, на котором сидела Нинбила, вдруг выросла целая гора птичьего помета. Удивился паук, но не сказал ни слова, потому что был осторожен. Но козел был простоват. От изумления он выпучил свои голубые водянистые глаза и громко сказал:

— Даже мне не под силу сделать столько, Нинбила. Как же ты умудрилась это сделать?

Но птичка ничего не ответила, потому что козел все равно не услышал бы ее: он упал мертвым, как только задал свой дерзкий вопрос.

Понял хитрый паук, что птичка обладает магической силой. Он отнес мертвого козла домой и несколько дней кормил семью его мясом. Это было очень кстати, потому что в лесу в то время был голод.

Когда мясо козла было съедено, паук снова отправился искать необыкновенную птичку. Найдя ее, он стал ждать, не появится ли поблизости какое-нибудь животное, которое можно было бы съесть. Вскоре он увидел мирно щипавшую листья антилопу и подозвал ее.

— Смотри внимательно,— шепнул он антилопе,— я покажу тебе странную вещь. Вон там на дереве сидит Нинбила. Видишь, как она мала! Но когда она захочет облегчиться, под деревом появится столько навоза, сколько тебе не сделать и за три дня.

Ждать пришлось недолго. Все произошло так, как и предполагал паук. Увидев внезапно выросшую гору помета, антилопа остолбенела от изумления, и паук шепнул ей:

— А ну-ка, спроси, как это у нее получается!

— Как это у тебя, Нинбила, получается такая гора?— спросила антилопа, и с ней случилось то же, что и с козлом: она умерла, пораженная волшебной силой птички, и довольный Патыринарга оттащил ее тушу к себе домой.

Так погубил паук многих зверей. Несмотря на голодное время, жена паука раздобрела и похорошела, а сам он так разжирел, что едва передвигал ноги, направляясь за очередной жертвой. Но он жестоко поплатился за свое коварство, потому что за его проделками давно уже наблюдала Манга-обезьяна. Когда все жившие поблизости звери были съедены и паук стал задумываться о том, что ему некого больше обмануть и что придется отказаться от мяса, обезьяна спустилась с верхних сучьев дерева и стала лазать и прыгать по нижним, чтобы обратить на себя внимание паука.

Обрадовался паук, побежал к обезьяне, остановил ее.

— Слушай, Манга,— заговорил он, дрожа от нетерпения и жадности,— видишь Нинбила сидит на веточке и поет песенку. Как она мала и изящна! А посмотри-ка, что вырастает на земле как раз под этой веткой.

— Нда-а,— озадаченно протянула обезьяна.

— Спроси-ка ее, как это у нее получается,— шепнул паук.

— Что спросить?

— Как, мол, получается у тебя это,— немного громче сказал паук.

— Не слышу, говори громче,— сказала Манга.

— Спроси ее, как получается столько навоза,— волнуясь, объяснил паук, еще немного повышая голос.

— Ничего не понимаю. Бормочешь что-то,— проворчала обезьяна и сделала вид, что хочет уйти.

— погоди, не уходи! — засуетился паук.— Ведь я тебе хочу показать нечто очень интересное.

— Говори громче, или я сейчас же уйду! — крикнула обезьяна.

И тогда паук, раздраженный непонятливостью обезьяны и опасаясь, что она уйдет, забыл свойственную ему осторожность и закричал:

— Ну скажи ты ей так: «Нинбила! Как можешь ты, такая маленькая, носить в себе так много этого добра?».

Едва паук произнес эти слова, как замертво свалился с дерева на землю. Здесь его тотчас подхватила обезьяна: она унесла его на самую верхушку дерева и вместе со своим сыном полакомилась паучьим мясом.

Так обезьяна перехитрила паука.

Манга-обезьяна сидела на дереве и ела банан, а Сонга-заяц дремал под тем же деревом, спрятавшись в высокой траве, так что только уши его торчали. Обезьяна увидела заячьи уши, рассмеялась и запела:

Гляньте, до чего Сонга длинноух!
Гляньте, до чего Сонга длинноух!

Проснулся заяц, услышал песню обезьяны, обиделся.

— Оставь меня, пожалуйста, в покое, Манга. Ведь я тебя не трогаю.

Обезьяна совсем развеселилась: заяц ее не трогает! Да если б он и захотел ее тронуть, то не смог бы до нее добраться! И она запела еще громче:

Гляньте, до чего Сонга длинноух!
Гляньте, до чего Сонга длинноух!

— Помолчи, прошу тебя,— повторил заяц все еще миролюбиво. Но обезьяна не унималась, и заяц сказал, что тоже станет дразнить ее, потому что и она не такая вовсе красавица, какой себя, по-видимому, считает.

Обезьяна захохотала и запела еще громче.

Рассердился заяц, высунул голову из травы и тоже запел:

Я робок, тих, я слаб,
Но сильный дразнит меня.
Сидел я смирно, и вот
Сильный дразнит меня!
Но Манга ничего не видит, нет!
Глаза-то у нее во мраке ям,
Во мраке темных ям, на самом дне!

Обезьяна ахнула от изумления и досады. Миг — и она была внизу, чтобы отскатить зайца за уши. Но хитрый заяц уже исчез. С тех пор при виде зайца обезьяна всегда соскакивает с дерева и бросается за ним вдогонку, но... где ей за зай-

цем угнаться! Вот почему их никогда не увидишь вместе: пока обезьяна ходит по земле — все зайцы в окрестности исчезают бесследно.

33. ПОЧЕМУ ЗВЕРИ ЖИВУТ В ЛЕСУ

Было время, когда звери жили в городах и деревнях, и только страх перед пауком навсегда прогнал их в леса. А поначалу паука ни во что не ставили. Когда наступило голодное время, некоторые звери решили жить вместе и охотиться по очереди, а того, кто не принесет никакой добычи, съедать. При этом все думали о пауке, потому что были уверены, что, когда наступит его очередь идти на охоту, он вернется ни с чем.

Патыринарга и сам был того же мнения. Когда наступила его очередь, он весь день без толку бродил по лесу и даже не пытался кого-нибудь поймать, потому что совершенно не верил в свои силы. Когда начало смеркаться, он печально побрел к дому, готовый к верной смерти, как вдруг увидел дремлющего на пне Зуа-грифа. Паук обрадовался, быстро подкрался к грифу и крепко обхватил его лапами. Надежда на спасение придала пауку силы, и, как ни бился гриф, как ни вырывался, ему не удалось освободиться от цепких лап паука. Тогда гриф стал просить паука пощадить его жизнь.

— Что ты, что ты! — засмеялся паук. — Как я могу пощадить тебя? Ведь если я приду домой с пустыми руками, меня самого съедят.

— Ах, вот в чем дело, — сказал гриф. — Если тебе все равно, кого поймать, отпусти меня, а я научу тебя, как поймать слона.

— Ты смеешься надо мной, — обиделся паук. — Ведь ты знаешь, что мне Вобугу не поймать.

— Нет, Патыринарга, — ответил гриф. — Одно из моих перьев обладает волшебной силой. Стоит тебе махнуть им в сторону слона, как тот упадет замертво; махнешь в сторону свиньи — убьешь свинью.

Поверил паук грифу, отпустил его и получил взамен перо из его хвоста.

Между тем стало совсем темно, нельзя было терять ни минуты. Паук побежал искать дичь и скоро повстречал слона, который не обратил на паука никакого внимания.

— Ах так,— злорадно усмехнулся паук.— Ты презираешь Патыринаргу, да? Вот сейчас я тебе покажу, на что я способен! — И паук взмахнул пером грифа.

Слон тотчас замертво свалился на траву. Некоторое время паук молча таращил на него глаза, сам не веря тому, что случилось, потом со всех ног помчался к дому.

Звери были раздражены долгим отсутствием паука, им не терпелось отведать паучьего мяса. Как только он вошел в дом, они набросились на него.

— Где ты пропадал так долго? Мы проголодались! — грозно зарычал на него лев.

— Не сердись, Быгыны,— сказал паук.— Не так легко было убить Вобугу!

— Уж не хочешь ли ты сказать, что убил слона? — закричали звери.— Как нагло ты лжешь! Тебе не удастся обмануть нас, ну-ка, полезай в сильмин-дуку!

— Погодите, погодите,— спокойно сказал паук.— Чем зря шуметь, лучше пойти со мной и убедиться, что слон мертв. Ведь у Вобугу больше мяса, чем у бедного Патыринарги.

Голодные звери были недовольны тем, что ужин откладывается, но отправились за пауком, хотя никто из них не верил в то, что паук говорит правду.

Когда же они убедились, что паук убил слона, изумлению их не было предела.

С тех пор, отправляясь на добычу, паук всегда убивал крупную дичь, его охота была самой удачной, и звери начали немного побаиваться его. Им очень хотелось узнать, в чем секрет его удачи, и они попросили Кундунгу последить за пауком, когда тот пойдет на охоту.

И вот, когда очередь снова дошла до паука, Кундунгу тихонько отправился за ним и видел, как, встретив корову, паук махнул рукой в ее сторону и корова тотчас упала мертвой.

Вне себя от страха помчался Кундунгу домой, ворвался в комнату, где сидели звери, и, едва отдышавшись, рассказал то, что видел.

— Патыринарга обладает волшебной силой! — сказал он.— Я видел собственными глазами, как один легкий взмах его руки убил корову.

Звери были так напуганы этим рассказом, что, когда паук вернулся домой, никто из них не сводил глаз с его рук: каждый боялся, как бы паук нечаянно не махнул рукой в его сторону.

После ужина звери разошлись по своим углам, но никто не смог спать, все тайком следили за пауком.

Между тем какая-то смелая муха села на голову паука. Паук мотнул головой, муха взлетела на миг, покружилась над пауком и села на прежнее место. Паук снова согнал муху движением головы, но муха, полетав немного, упрямо опустилась на то же место.

— Ах, чтоб тебя! — с досадой вскрикнул паук и взмахнул рукой, чтобы согнать муху со своей головы. В тот же миг все звери с воем и ревом выскочили из дома и в панике разбежались кто куда. И так велик был их страх перед Патыринаргой, что ни один не вернулся в дом, все ушли в лес, где они живут и по сей день.

Паук же навсегда остался в доме и до сих пор живет там, как все люди.

34. ПОЧЕМУ ЛЮДИ СТАЛИ ЖИТЬ В ДОМАХ, А ЗВЕРИ В ЛЕСУ

В давние времена, когда на земле не было еще людей, звери жили в домах. Потом появились люди, но они не сразу научились строить себе дома и потому бродили по лесу и ночевали в норах и на деревьях. Были среди них и обезьяна и паук.

Однажды в голодное время обезьяна бродила по лесу в поисках пищи и набрела на усадьбу. Из дома доносились звуки тамтама, и заинтересованная Манга тихонько подкралась к дому и заглянула в окно.

Она увидела разных зверей, веселившихся и танцевавших под звуки тамтама; на столе было разбросано недоеденное мясо. Обезьяна была очень голодна и потому решила не уходить, а дожидаться, пока звери заснут, и во что бы то ни стало украсть мясо.

Вскоре усталые звери повалились в беспорядке на пол и захрапели, но умная Манга не сразу вошла в дом,— она понимала, что этот сон еще не крепок; только когда звери стали издавать носами звук «фи-луп!», она тихонько вошла в дом, схватила кусок мяса и была такова.

На другой день обезьяна снова пришла к дому, снова дождалась, когда звери заснули, и вошла только тогда, когда слышала звук «фи-луп!».

Теперь Манга часто приходила за мясом и потому, несмотря на голодное время, была сыта. Это не укрылось от паука, и он попрекнул обезьяну тем, что она скрывает от своих друзей, где достает пищу.

— Хорошо, завтра пойдешь со мной,— сказала Манга.— Я только боюсь, что ты со своей жадностью испортишь все дело.

— Нет, нет, не беспокойся, я буду осторожен! — воскликнул паук, который очень боялся, что обезьяна раздумает брать его с собой.

На другой день паук отправился к дому веселых зверей вместе с обезьяной. Дождавшись, когда звери крепко заснули, они вошли в дом, досыта наелись и взяли по куску мяса с собой.

На следующий день паук решил пойти за мясом, не дожидаясь обезьяны. Он взял с собой жену и детей, и вся паучья семья притаилась у двери дома в ожидании, когда звери устанут плясать и завалятся спать. Вскоре звери один за другим захрапели, и тут паук допустил оплошность: он не дождался, когда носы зверей начнут насвистывать «фи-луп!», а едва услышав храп, сделал знак паучихе и паучатам, чтобы они входили в дом и принимались за дело. И он был наказан за жадность: младший паучонок схватил со сковороды неостывший кусок мяса, обжегся и громко вскрикнул. Звери тотчас проснулись и начали осматриваться. Пауки быстро бросились в отгороженный угол, причем паучиха успела схватить лежавший на полу нож.

Звери заглядывали во все углы и щели в поисках виновника шума, но только один Дургу-страус догадался заглянуть в угол, где спрятались пауки. Он вытянул свою длинную шею и посмотрел за загородку. В углу было темно, так что он ничего не заметил, зато паучиха хорошо разглядела его и схватила за голову. Паучата тоже вцепились в голову Дургу и по-

ташили ее к себе, а бедный страус изо всех сил вырывался. От страха у него расстроился желудок, и это развеселило зверей, потому что они не знали, в чем дело. Страус топтался на месте, пытаясь вырвать голову из цепких лап пауков, а звери в восторге плясали вокруг страуса, громко смеялись и пели:

Братец-Дургу самый сильный!
Как выбрасывает быстро
Он помет свой: мар-мар-мар!

Тем временем паучиха перерезала страусу шею, он с размаху сел на пол, и звери с ужасом увидели, что он остался без головы. И тогда все они бросились вон из дома и долго бежали не останавливаясь, потому что в их представлении Дургу был непобедим, а если уж он остался без головы, значит, в доме поселился страшный и неодолимый враг. Они убежали в лес да там навсегда и остались, а дом достался пауку и его детям. Паук позвал к себе других людей, и после этого люди переселились в дома, где раньше жили звери.*

35. ПАУК И МАЛЬЧИК

Всем известно, что господин Патыринарга — человек умный. Но однажды захотелось ему стать еще умнее. «Заберу у людей всю мудрость и стану единственным умником на земле, буду всех водить за нос», — думал паук. Задумано — сделано. Взял он тыквенный кувшин с узким горлышком, загнал в него всю человеческую мудрость, заткнул кувшин пробкой и полез на дерево, чтобы спрятать кувшин от людей. «Теперь я любого перехитрю, — радовался паук, — ведь я лишил ума всех людей».

Однако, взбираясь на дерево, паук не сообразил закинуть кувшин за спину, а держал его впереди себя, и кувшин мешал ему карабкаться по стволу дерева. Увидел это маленький мальчик и засмеялся:

— Эх, Патыринарга, умный ты человек, а тут дал маху, повесил кувшин на грудь. Повесь его за спину, и тебе легче будет ползти!

— Молчи, несмышлениш! — прикрикнул на него паук, но все-таки попробовал сделать так, как советовал мальчик, и действительно оказалось, что удобнее лезть на дерево с кувшином за спиной. Рассердился паук, расстроился, разнервничался! Соскользнул он на землю и в сердцах хватил кувшин о камень. Разбился кувшин, и вся собранная пауком мудрость разлетелась в разные стороны. Но паук не жалел об этом. Он понял: если даже у неразумного ребенка нашелся для него полезный совет, значит, не может один человек присвоить себе мудрость целого народа.

36. ДЕРЗКИЙ ПАРЕНЬ И КУПАРГА

Жил в одной деревне парень, до того своевольный и упрямый, что родителям сладу с ним не было. Был он заносчив, всех задирает и никого ни во что не ставил, а если с ним хотели объясниться по-хорошему, он отвечал только: «Фи-фи!».

Каждый вечер уходил он в другую деревню танцевать и веселиться с молодежью и лишь глубокой ночью возвращался домой, несмотря на предостережения матери, — ведь в лесу, сквозь который ему приходилось пробираться, жил купарга.

Однажды, когда он привычной дорогой возвращался домой, из чащи послышалась песня, похожая на жалобный стон:

Ой! Как зуб болит!
Третий день зуб мой болит!
День и ночь зуб мой болит!
Ой! Как зуб болит!

Но парень не почувствовал сострадания к купарге, у которого болел зуб, а запел в ответ ему на тот же мотив:

Фи! Фи-фи! Фи-фи!
Фи-фи-фи! Фи-фи-фи!
Фи-фи! Фи-фи! Фи-фи! Фи!
Фи! Фи-фи! Фи-фи!

Купарга задохнулся от обиды. Побежал он на звук, громко спросил, кто здесь поет. Но парень, конечно, не отозвался, а ускорил шаги, боясь, что купарга его догонит. Не видя своего обидчика и не зная, где его искать, купарга снова запел:

Ой! Как зуб болит!
Третий день зуб мой болит!
День и ночь зуб мой болит!
Ой! Как зуб болит!

Парень понимал, что ему опасно подавать голос, но так сильны в нем были упрямство и дух противоречия, что он не выдержал и снова запел:

Фи! Фи-фи! Фи-фи!
Фи-фи-фи! Фи! Фи-фи! Фи!
Фи-фи! Фи-фи! Фи! Фи-фи!
Фи! Фи-фи! Фи-фи!

Купарга снова побежал на голос и гнался за парнем до самого его дома. А парень быстро прошмыгнул в комнату и улегся рядом со своими братьями. Купарга, ворвавшись вслед за ним в комнату, увидел похожих друг на друга четверых братьев и остановился в недоумении. Как узнать, кто из них дразнил его? Думал-думал купарга да и запел свою песенку:

Ой! Как зуб болит!
Третий день зуб мой болит!

Как ни крепился упрямый парень, но все-таки забормотал тихонько:

Фи! Фи-фи! Фи-фи!
Фи-фи-фи! Фи! Фи-фи-фи! Фи!..

— Э, вот ты где! — закричал купарга, схватил своего врага за шиворот и поволок его в кухню.

— Слишком длинный у тебя язык! — сказал купарга, вытянул язык изо рта парня и, обмотав его вокруг шеи, задушил обидчика его собственным языком. Потом взял со стола тарелку с кашей, вымазал ему все лицо и исчез.

Утром мать вышла в кухню и видит: стоит ее сын, глаза вытаращил и все лицо кашей перепачкано. Рассердилась мать, раскричалась:

— Вот до чего доводит тебя твое своеволие! Шляешься до поздней ночи, приходишь, когда весь дом спит, и ешь не по-людски, на ходу! Ну, что молчишь?!

Не получив ответа, мать в сердцах ударила сына по щеке, тот рухнул на пол, и мать увидела, что он мертв.

37. МАЛЕЛЕФИ

У одной женщины родился сын, наделенный волшебной силой. Но никто не знал, что он такой, даже сами родители. Мать мальчика вскоре умерла, а ребенок повел себя очень странно: он забрался к отцу на закорки и ни за что не хотел слезать оттуда. Он ничего не хотел делать, сидел на шее отца и посмеивался над всеми, так что его прозвали Малелефи — непутевое дитя. Мучился-мучился отец с Малелефи, наконец не выдержал. Решил избавиться от мальчика. Взял он жирного барана и повел в лес. Зашел отец в чашу леса и говорит Малелефи:

— Сегодня день твоего рождения, надо его отпраздновать получше. Давай-ка зарежем и зажарим этого барана.

— Давай,— согласился Малелефи.

— Но для этого надо набрать дров! Ты поддержи барана за веревку, чтобы он не удрал, а я схожу за дровами!

Говорит отец, а сам не верит в такое счастье — чтобы Малелефи спустился с его спины. Но Малелефи неожиданно согласился и прыгнул на землю. В первый раз со времени смерти матери он встал на свои ноги.

— Ну, стой здесь,— сказал отец,— а я сейчас вернусь.

Отошел он немного и, как только скрылся за деревьями, так и пустился бежать без оглядки, пока не добрался до дома.

Малелефи долго ждал отца. Наконец он понял, что отец покинул его. Решил Малелефи отправиться домой, как вдруг увидел Кундунгу.

— Я голоден, отдай мне барана, мальчик,— попросил Кундунгу.

— Ешь на здоровье,— отвечал Малелефи,— позволь только сесть тебе на спину.

— Э, пустяки какие, садись, пожалуйста! — засмеялся Кундунгу.

Миг — и Малелефи сидел на спине Кундунгу, терзавшего в это время барана.

Когда баран был съеден, Кундунгу пошел домой, но Малелефи и не думал спускаться с его спины. День, два носил его Кундунгу на спине и наконец взмолился:

— Слушай, мальчик, не пора ли тебе оставить меня в покое? Мне тяжело и неудобно охотиться!

— Изволь, я слезу,— отвечал Малелефи,— только не раньше, чем ты отдашь мне моего барана!

— Ладно,— сказал Кундунгу,— верну я тебе барана.

Выбежал он на опушку леса, где паслось большое стадо овец. Присмотрел он барана пожирнее и только хотел броситься на него, Малелефи как закричит:

— Эй, пастух, не зевай! Кундунгу хочет украсть твоего барана! Гони его, гони!

Вскочил пастух, погнался за Кундунгу, еле тот ноги унес. Не стало несчастному Кундунгу житья от Малелефи. Пойдет он на охоту, выследит дичь и только нацелится схватить ее, Малелефи нарочно начинает кричать, чтобы спугнуть дичь. Отощав Кундунгу от голода: ни охотиться не дает ему Малелефи, ни скотину из стада воровать.

Наконец Кундунгу придумал, как избавиться ему от Малелефи. Забрался он в колодец и спрятался под водой, только голову высунул, чтобы не захлебнуться. Так трое суток просидел в колодце, а на четвертые решил, что уж теперь-то проклятый мальчишка наверняка мертв. Вылез Кундунгу из колодца и вдруг услышал за своей спиной смех Малелефи! Лег Кундунгу в изнеможении на землю и взмолился:

— Слушай, отпусти меня хоть на минуту, дай шерсть обсушить! Да и сам полежи на солнце, погрейся немного!

К удивлению его, Малелефи согласился, слез с его спины, уселся на песке. Кундунгу улегся неподалеку от него, потом сказал:

— Здесь нет солнышка, я отойду немного.

С этими словами он встал и перелег в другое место, подальше от Малелефи. Через некоторое время он опять встал и перелег еще дальше. А Малелефи все не трогался с места.

В третий раз встал Кундунгу, чтобы перелечь в другое место, да как пустился бежать! Несколько часов бежал он без передышки, пока не уверился, что скрылся от своего мучителя. Построил он себе дом с семью дверьми и семью замками и, приходя с охоты, тщательно запирали за собой все двери. Так велик был его страх перед Малелефи. А между тем мальчик, наделенный волшебной силой, отправился на поиски волка. Долго не мог он напасть на след Кундунгу. Почти все лето Малелефи искал его, так что Кундунгу начал уже забывать свой страх, как вдруг однажды в дверь к нему постучали.

— Кто там? — спросил Кундунгу.

— Открой мне, — ответили снаружи, — это я, твой дедушка, пришел навестить тебя.

— Что ты там врешь! — закричал Кундунгу. — Мой дедушка скончался много лет назад!

— Ты говоришь о дедушке по отцу, — возразили ему. — А я — твой дед по матери, ты меня никогда не видел, и вот я пришел к тебе!

— Ну что ж, — с минутой поколебавшись, сказал Кундунгу, — заходи, да только хорошенько запирай за собой все двери! — И он стал объяснять, как отворить первую дверь и как ее запереть, затем он объяснил, как отворяется вторая и как она запирается.

— Только запирай получше, — просил он, — я очень боюсь, что Малелефи вернется ко мне!

— Какой еще Малелефи, чего ты боишься! — смеялся мальчик, все ближе подходя к комнате Кундунгу.

Наконец была открыта последняя дверь, и Кундунгу услышал рядом с собой знакомый голос:

— Я пришел, чтобы получить с тебя долг. Отдай мне моего барана!

Кундунгу обернулся к двери, увидел Малелефи, взвыл, вскочил на ноги и завертелся на месте. Он бросался на стены и кувыркался, боясь, что Малелефи снова вскочит ему на спину. Прыгал он, прыгал, отшиб себе бока и внутренности и упал замертво.

А Малелефи, глядя на прыжки Кундунгу, хохотал-хохотал да и лопнул.

38. О ДОБРОЙ ЖЕНЕ И О ЗЛОЙ ЖЕНЕ

У одного человека было две жены: одна добрая и бескорыстная, другая жадная и злая. Первая была работящая, заботилась о муже и даже о его собаке думала больше, чем о себе. Вторая была из богатой семьи, где за ней ухаживали, поэтому она привыкла думать только о себе и любила только себя. Она требовала от мужа подарков и в конце концов добилась того, что в ее хижине было все, что имел ее муж, а хижина доброй жены совсем опустела. Однажды добрая жена не нашла у себя никаких продуктов и решила отправиться в дом своих родителей, взять у них немного рису и помидоров. А жили ее родители в другой деревне, и дорога туда шла через дремучий лес. Но добрая женщина не побоялась. Она взяла сильмин-дуку и отправилась. Но в лесу ей стало страшно: отовсюду слышались шорохи и голоса диких зверей. Тогда она залезла в сильмин-дуку, накрылась крышкой и покатила по дороге. Увидела Ниина — птица-вестник, что катится по дороге какой-то загадочный предмет, и запела песенку:

Катится по лесу
Бэлем-бэлем куга, нкуга! Бэлем, бэлем...
Не знаю что,
Бэлем-бэлем куга, нкуга! Бэлем, бэлем...
Без рук, без ног,
Бэлем-бэлем куга, нкуга! Бэлем, бэлем...
Без головы!
Бэлем-бэлем куга, нкуга! Бэлем, бэлем...
Катится по лесу
Бэлем-бэлем куга, нкуга! Бэлем, бэлем...

Стали отовсюду сбегаться звери, чтобы взглянуть на чудо, о котором поет Ниина. Подбегут, тронут дуку лапой и отскакивают: никто не может понять, что это за штука такая. Прибежал и лев, да как хватит что есть силы по дуку! Но это ведь было сильмин-дуку, металлическое дуку, и оно осталось невредимым. Лев с ревом скрылся в чаще леса. Разбежались и другие звери, и женщина спокойно добралась до родительского

дома. Там ее встретили радушно и щедро одарили. Обратный путь она совершила так же: забравшись в дуку с продуктами, она катилась по дороге и невредимой вернулась в дом мужа.

Увидела ее злая жена, разгневалась, расфыркалась:

— Ты думаешь, в моем доме меньше добра и мои родители меньше любят меня? Если хочешь знать, я принесу домой еще больше добра, чем ты!

Стала она снаряжаться в дорогу. Но жадность помешала ей взять с собой сильмин-дуку: жаль хорошую вещь, вдруг потеряется или поцарапается в дороге! Можно обойтись и простым глиняным дуку. Так она и сделала. Залезла в глиняное дуку и покатила по лесу. А птица-вестник увидела катящуюся дуку и запела:

Катится по лесу
Бэлем-бэлем куга, нкуга! Бэлем, бэлем...
Не знаю что,
Бэлем-бэлем куга, нкуга! Бэлем-бэлем...
Без рук, без ног,
Бэлем-бэлем куга, нкуга! Бэлем-бэлем...
Без головы!
Бэлем-бэлем куга, нкуга! Бэлем, бэлем...
Катится по лесу
Бэлем-бэлем куга, нкуга! Бэлем-бэлем...

Стали звери сбегаться на песню Ниины, чтобы увидеть чудо, о котором она говорит. Пришел лев, догнал дуку, с размаху ударил по нему тяжелой лапой. Глиняное дуку развалилось, звери бросились на злую женщину и растерзали ее.

39. КОГДА ОДИН МОЖЕТ ОДОЛЕТЬ СЕМЕРЫХ

У одного крестьянина было семеро сыновей. По утрам они выходили в поле. Впереди шел старший, за ним — второй по старшинству, за вторым — брат, рожденный третьим, за третьим — четвертый, за четвертым — пятый, за пятым — шестой и последним, как и полагается, седьмой, самый младший из всех. Ему, младшему, надо было бы, как это принято у порядочных лю-

дей, нести всю поклажу и одну большую калебасу с водой на всех, но вместо этого братья несли на своих головах семь маленьких тыквенных кувшинов и каждый сам нес свой завтрак и свое кури.

Увидел однажды парень из соседнего дома, как братья гуськом идут на работу, и сказал своему отцу:

— Я один могу побить этих семерых.

— Будет тебе хвастаться,— усмехнулся отец.— Где это видано, чтобы один одолел семерых!

— А вот погоди, завтра увидишь,— заверил его сын.

Наутро, когда братья отправились на работу, парень предложил отцу смотреть издали, что он будет делать, и пошел на встречу братьям. Со старшим он вежливо поздоровался и подошел ко второму.

— Эй, парень! — закричал он на второго брата.— Ты ведешь себя недостойно, и я вынужден проучить тебя. Почему ты допускаешь, чтобы твой старший брат сам нес свою поклажу? И не стыдно тебе?!

С этими словами он ударил второго брата по лицу. Старший же не вступился за второго брата: ему было приятно, что сосед защищает его честь и его права. А сосед между тем подошел к третьему брату и, указывая на только что побитого им второго, закричал:

— Ты что, потерял стыд?! Почему позволяешь, чтобы брат, который старше тебя, сам нес свои вещи? Ты ведешь себя неприлично, и я тебя сейчас накажу!

И он надавал пощечин третьему брату, а второй не заступился за него, потому что был доволен, что третьему брату говорят об уважении к нему, второму.

Потом парень побил четвертого брата за неуважение к третьему, а пятого — за неуважение к четвертому. Шестому он дал подзатыльник за невнимание к пятому, а седьмого оттащил за уши, требуя его уважения к шестому. И пока он бил одного, остальные не вмешивались, а с удовольствием наблюдали за происходящим.

Избив всю компанию, брат погрозил пальцем и крикнул братьям:

— Смотрите же! Чтобы впредь я этого безобразия не видел! Иначе я не так с вами поговорю!

Побитые братья ничего ему не возразили и пошли своей дорогой. А парень вернулся к своему отцу и сказал:

— Я одолел бы их даже в том случае, если бы их было не семь, а десять или пятнадцать, потому что нет между ними братского согласия и единства.

40. И У СТЕН ЕСТЬ УШИ

У одного набы на самой макушке выросла огромная шишка. Но наба всегда ходил в шляпе, и никто этой шишки не видел. Однажды захотел наба постричься и приказал позвать брадобрея. Когда брадобрей остриг его, наба ему сказал:

— Ты никому не должен говорить о том, что видел. Если проболтаешься, не сносить тебе головы, так и запомни!

Брадобрей обещал молчать и долго хранил тайну набы. Но тайна мучила его, стремилась вырваться наружу, норовила соскользнуть с его губ, так что у брадобрея щеки раздулись от натуги, от непрерывного старания ее удерживать.

Наконец терпеть стало неможно, и брадобрей нашел ловкий выход из положения. Он отправился в лес, вырыл в земле ямку, прижался к ней губами и прошептал:

— А у нашего набы на голове преогромная шишка.

Сразу почувствовав облегчение, брадобрей засыпал ямку землей и спокойно пошел домой.

Прошел год. На том месте, где была ямка, выросла тростинка, такая высокая и крепкая, что мальчик-пастух заметил ее, срезал и сделал себе из этой тростинки напоку. Но, когда он попробовал играть на напоке, вместо музыки из напоки послышались слова:

— А у нашего набы на голове преогромная шишка.

Удивился мальчик, пошел в город. Проходя мимо царского дворца, он поднес напоку к губам, и она опять запела:

— А у нашего набы на голове преогромная шишка!

Донеслась песня напоки до дворца, услышал ее наба, приказал позвать пастушка.

— А ну-ка, играй! — сказал он, когда пастушок вошел во дворец.

Заиграл мальчик:

— А у нашего набы на голове преогромная шишка!

Разгневался наба, вызвал к себе брадобрея.

— Как ты смел, негодяй, проболтаться?! Ведь я предупреждал тебя, что предам казни, если проговоришься!

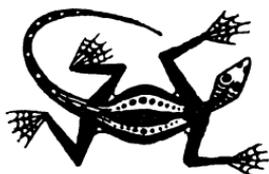
— О наба! — взмолился брадобрей. — Клянусь тебе, что я никому не сказал ни слова. Только...

И брадобрей рассказал, как тайна тяготила его, раздувала ему щеки, как он пошел в лес и вырыл ямку и как закопал тайну, выскользнувшую из его уст, в эту маленькую ямку.

Но наба ему не поверил и приказал отрубить ему голову.

Если хочешь хранить тайну, помни: уши есть не только у людей и животных, но и у деревьев, и у камней, и у стен твоего дома.

41. МУДРЫЙ СОВЕТ

Семеро братьев пасли отцовское стадо и убили крупную жирную ящерицу. Они хотели ее зажарить и съесть, но у них не было огня.

— Кто сходит за огнем? — спросил старший брат.

Но никто не хотел идти за огнем, и братья один за другим находили какой-нибудь предлог, чтобы не ходить. Пришлось старшему самому отправиться на поиски. Ходил он, ходил по лесу и набрел на хижину. Приоткрыл он дверь и увидел старуху, которая готовила кукурузную кашу. Она толкла в большой ступе мансовые зерна, и все тело ее было перепачкано мукой, потому что она работала не только руками, а всем телом. Жутко стало парню. Понял он, что старуха эта — ведьма. Он спешно закрыл дверь и стал смотреть, что будет дальше. А дальше было вот что: ведьма сварила кашу и стала ее есть. Но ела она тоже не как все люди, не только ртом, а всем телом. Парень подумал, подумал и тихонько постучал в дверь. Старуха открыла дверь и спросила, что ему нужно.

— Я хотел попросить у тебя, бабушка, огня, — вежливо сказал юноша.

— А ты видел, что я делала? — спросила ведьма, подозрительно оглядывая его с ног до головы.

— О нет, я ничего не видел.

— Гм! Ну хорошо, возьми огня, но берегись, если ты меня обманываешь!

С этими словами ведьма сунула парню пылающую головешку, а сама вернулась к своей каше и стала есть ее не так, как она делала это раньше, а только ртом, как все люди.

Схватив головешку, парень побежал к братьям.

Скоро ящерица была изжарена и съедена. Сытый человек становится смелее, и старший брат, расхрабравшись и развеселившись, взял свою напоку и запел песенку:

Сбегать за огнем просил я братьев,
Палугу и Бунгу — младших братьев.
Отказались братья, братья, братья.
Сам тогда пошел огонь искать я
И набрел на домик ведьмы, ведьмы.
Ведьма кашу ела, ела, ела.
Брюхом и затылком кашу ела,
Грудью и локтями ела, ела,
Всем, чем было можно, ведьма ела!

Голос у юноши был звонкий, и звуки его песни долетели до хижины ведьмы.

— Эге! — закричала ведьма, прислушиваясь. — Да ты, парень, обманул меня! Ты все видел. Ну погоди же!

Недолго думая ведьма приняла облик девушки ослепительной красоты и отправилась к братьям. Так и ахнули братья при виде красавицы. Встали они все вокруг девушки и спрашивают:

— Кого из нас ты полюбишь, красавица?

Смотрит на них ведьма и не может понять, кто из них приходил за огнем: все друг на друга похожи.

— Полюблю, — говорит она, — того из вас, кто лучше всех поет.

Стали братья петь по очереди, но девушка отвергала одного за другим: не нравились ей их песни. Но вот запел старший:

Посылал я братьев, братьев, братьев,
Нанзуси и Бунгу — братьев, братьев...
Сбегать за огнем ленились братья.

Сам тогда пошел огонь искать я
И набрел на дом я ведьмы, ведьмы!
Ведьма кашу ела, ела, ела,
Ртом, спиной и носом ведьма ела!
Брюхом и локтями кашу ела,
Задом и затылком ела, ела,
Грудью и ногами ела, ела,
Всем, чем было можно, ведьма ела!

— Вот! — воскликнула девушка-ведьма.— Вот мой избранник!

А сама подумала: «Ну, теперь я с тобой расправлюсь!».

Вскоре сыграли свадьбу, и молодые отправились в свою комнату. Ласкаясь к мужу, ведьма спросила:

— Скажи, ты владеешь искусством превращения?

— Да,— ответил муж.

— Ну, а что ты сделаешь, если встретишь в лесу льва?

— Я стану деревом.

— А если лев бросится на дерево?

— Я разольюсь водой.

— А если лев догадается и будет пить воду?

— Я превращусь в цветок.

— Если же и это не поможет?

— Я сделаюсь ба...

— Эй, сын мой! — услышался голос из соседней комнаты.— Эта женщина только сегодня стала твоей женой. Как можешь ты открывать ей свою последнюю тайну? Ты и так слишком много сказал!

«Мать права»,— подумал молодой человек и умолк.

«Проклятая старуха! — злилась ведьма, но не смела ничего сказать.— Ну, что бы это могло быть «ба...»?» Но как она ни ломала голову, ничего придумать не могла.

Прошло три дня. Молодая жена сказала, что должна навестить свою мать, и попросила мужа проводить ее, потому что дорога в ее деревню шла через лес, в лесу ей одной страшно.

В лесу она сказала:

— Подожди меня здесь, мне нужно отойти на минуту.

Отойдя немного, она спросила:

— Видишь меня?

— Вижу,— отвечал муж.

— А теперь видишь? — спросила она, отойдя еще немного.

— И теперь вижу.

- А теперь?
- Теперь не вижу.
- Хорошо, жди меня там.

Не успел молодой человек сообразить, в чем дело, как слышалось громкое рычание, и из чащи леса выпрыгнул огромный лев. Человек быстро превратился в дерево, но лев, как бы разгадав его секрет, бросился именно на это дерево. Человек разлился водой, но лев тотчас прыгнул к воде. В один миг высохла вся вода, но среди росших на поляне пестрых цветов появился еще один, голубой с желтой сердцевинкой. Лев занес уже лапу и готов был растоптать новый цветок, но в тот же миг цветок исчез и молодой человек иголкой упал в траву. Заметался лев, зарычал! Не знала ведьма, какой облик принял теперь ее муж. «Ба... ба... какое слово начинается так?» — лихорадочно соображала ведьма, но так и не могла догадаться. Не нашел лев барыпим — иголки и скрылся в лесу. А человек, подождав немного, принял свой обычный вид, вскочил и бросился домой.

— Вот видишь,— сказала ему мать после того, как он обо всем ей поведал.— Никогда не нужно обнажать свои подмышки перед малознакомым человеком!

42. ЮНОШИ-РЫБЫ

В одном городе жили три сестры-красавицы. Не желали они выходить замуж за юношей своего города и мечтали о женихах необыкновенных, не похожих на других людей, томилась в ожидании неземной любви.

И вот появились в их городе три брата, три замечательных красавца, и стали ухаживать за девушками. И девушки сразу полюбили их за красоту.

Всю весну и все лето встречались девушки с прекрасными своими возлюбленными, гуляли вместе, а вечером, когда солнце склонялось к закату, братья исчезали в направлении моря, и никто не знал, куда они уходили.

Тайна братьев тревожила девушек. Их беспокоило и то, что возлюбленные их никогда не заговаривали о браке. Когда

старшая сестра, не выдержав, спросила братьев, когда они поженятся, братья ничего не ответили и заговорили о другом.

В этот день, когда юноши покинули девушек, те решили отправиться вслед за ними и непременно узнать, где они живут. Долго шли они в направлении моря. Старшая не выдержала, на полпути остановилась, вернулась домой. Вскоре отстала и средняя сестра. Младшая же решила превозмочь усталость и во что бы то ни стало достигнуть цели. Она дошла с братьями до самого берега моря. Тогда старший брат обернулся к ней и пропел песню:

Сестры ушли твои, мумба-лимба-а-а, сестры!
Твердо решила ты одна мумба-лимба-а-а, твердо,
В тайну проникнуть нашу, мумба-лимба-а-а, тайну,
Красива тайна наша, мумба-лимба-а-а, красива!

После этого старший брат обернулся лицом к морю. В то же мгновение что-то золотое мелькнуло в воздухе и пропало в волнах моря. Старший брат исчез. Потом запел средний брат:

Тайна красива моя, мумба-лимба-а-а, тайна,
Но ты поймешь очень скоро, мумба-лимба-а-а, скоро,
Что нельзя в тайну чужую, мумба-лимба-а-а, в тайну
Вторгаться силою, мумба-лимба-а-а, силой!

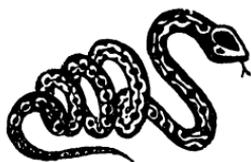
Обернулся средний брат золотой рыбой и нырнул в море. С надеждой глядит девушка на младшего брата, своего возлюбленного. Но вот он оборачивается к ней и начинает петь:

Сестры ушли твои, мум-балим-ба-а-а, сестры.
Твердо решила одна ты, мум-балим-ба-а-а, твердо,
Тайну узнать нашу, мум-балим-ба-а-а, тайну.
О, тайна наша красива, мум-балим-ба-а-а, тайна,
Но ты поймешь скоро, мум-балим-ба-а-а, скоро,
Что нельзя в тайну чужую, мумба-лимба-а-а, в тайну
Вторгаться силою, мумба-лимба-а-а, силой!

Когда смолкли последние слова песни, младший брат бросил прощальный взгляд на свою подругу, принял образ золотой рыбы и прыгнул в море.

В отчаянии побежала девушка домой. Она мчалась не останавливаясь и, добрав до дома, кликнула своих сестер, рассказала им, что их возлюбленные — это рыбы, умеющие принимать человеческий облик, и упала бездыханная. Она умерла от горя и разочарования. Ее погубила погоня за необыкновенным и непомерная гордость.

43. СУДЬБА ГОРДОЙ КРАСАВИЦЫ

Жила в одном городе красавица, такая гордая, что не хотела смотреть ни на одного мужчину и отвергала всех. Многие предостерегали ее, напоминая о несчастной судьбе трех сестер, отвергавших женихов и влюбившихся в золотых рыб. Но девушка продолжала отворачиваться от

всех, кто смотрел на нее с любовью.

Однажды увидел эту девушку прокаженный и уже не мог забыть о ней. Пошел он в лес, нашел волшебную вафу — змейку с красивыми глазами и пестрой кожей — и попросил одолжить ему на время ее красоту. Вафу согласилась. Стал прокаженный замечательным красавцем без всяких признаков болезни и явился в город:

— Вот мой избранник! — воскликнула красавица, увидев его.

Сыграли свадьбу и отправились, как полагается, в дом мужа. Долго шли они, конца-краю не видно было их пути, потому что у мужа не было дома: как все прокаженные, он одиноко скитался по земле. Много дней бродили молодожены по стране, и муж все обещал, что скоро они доберутся до дома его отца. Однажды он вспомнил, что пришел срок отдавать вафу ее красоту. Он попросил жену подождать его на опушке леса, а сам пошел к вафу и отдал ей свой долг.

Снова стал он безобразным калекой, так что жена не захотела признавать его и боялась его прикосновения. Но он напомнил ей о своем праве на нее, и тогда она в страхе и отчаянии побежала к дому своего отца. Муж устремился за ней. Прибрав домой, женщина узнала о внезапной смерти своих

родителей и бросилась на кладбище. Сначала она нашла могилу матери и, упав на нее, запела песню:

Мама, мама, тыпусти меня, мама!
Я в твоей могиле, мама, схоронюсь:
Нет у мужа пальцев, я его боюсь!
Ма, ма, тыпусти меня, ма!

Могила открылась, и женщина прыгнула в нее.

Муж прибежал к могиле в ту минуту, когда она снова закрылась. И он запел песню, обращаясь к теще:

Ндыма, ндыма, тыпусти меня, ндыма!
Дочь я люблю твою, сжался, о ндыма!
Стан ее так гибок, грудь ее пышна...
Мне она тобою в жены отдана!
Ндыма, ндыма, тыоткрой мне, ндыма!

Пришлось матери пустить к себе и зятя: ведь он имел права на ее дочь! Но как только могила открылась, жена, слышавшая песню постылого мужа, выпрыгнула из нее и, прежде чем муж мог последовать за ней, устремилась к могиле отца и там запела:

Мба, мба, тыоткрой мне, о мба!
Мба, мба, тыпусти меня, мба!
Я в твоей могиле, папа, схоронюсь:
Муж мой так ужасен, я его боюсь!
Мба, мба, тыпусти меня, мба!

Отец пустил к себе дочь и снова закрыл могилу, но вскоре слышался голос зятя, требовавшего пустить его к жене:

Ндыма, ндыма, тыпусти меня, ндыма!
Дочь я люблю твою, сжался, о ндыма!
Ведь она тобою в жены мне дана.
Плечи ее полны, талия стройна.
Ндыма, ндыма, тыоткрой мне, о ндыма!

Снова молодая женщина выпрыгнула из могилы, когда муж вошел в нее, и побежала домой, где у нее были братья и сестры. Она поочередно обращалась к каждому из них с просьбой спасти ее от объятий ненавистного мужа, но сестры и братья бессильны были отменить священное право мужа, и бедная красавица поняла, что никто не сможет ей помочь. Она вышла из дома, пошла в огород и увидела на грядках молодые побеги бири, которые называют мясом для бедных. Превратившись в одно из этих растений, она затерялась среди них, и прибежавший вскоре муж так и не смог найти ее. Так ценой жизни избавилась капризная красавица от той участи, которую уготовила ей ее непомерная гордость.

44. ВОЗМЕЗДИЕ ЗА НЕВЕРНОСТЬ

В одном городе юноша и девушка любили друг друга и крепко дружили. Но однажды юноша встретил другую девушку, еще красивее, и забыл свою прежнюю подругу. Брошенная девушка вначале тосковала, потом заболела и умерла. Юноше сказали о том, что его бывшая возлюбленная умерла, но он не обратил на это внимания и даже не пришел на похороны: слишком увлечен был он своей новой любовью и приготовлениями к свадьбе.

Прошло несколько дней. Однажды вечером брат неверного юноши пошел в огород и громко кашлянул. И как бы в ответ на этот звук тихий и нежный девичий голос запел:

Ах, голос брата Сияры я слышу.
Коль брат твой дома, передай ему ты,
Что я благодарна Сияре
За его ласку и любовь.
Что, когда покинет мир он, встретимся мы снова.
Там, откуда нет возврата, будет суд суровый,
И мы узнаем, кто виноват.

Испугался парень, побежал в дом и все рассказал родителям. Но никто не придавал значения его словам.

— Показалось тебе все это! — сказала его сестра.
— Нет, не показалось! И не пойду я больше в огород!
— Ну, тогда я пойду,— сказала сестра.— Уверена, что ты напрасно испугался.

Пришла сестра в огород и нарочно крикнула: «Ха!». И в ответ тотчас услышала печальную песню:

Я слышу голос Сияры сестренки.
Коль брат твой дома, передай ему ты,
Что я благодарна Сияре
За его ласку и любовь.
Но, когда покинет мир он, встретимся мы снова.
Там, откуда нет возврата, будет суд суровый,
И мы узнаем, кто виноват.

Прибежала сестра в дом, рассказала, что случилось. Но отец сказал:

— Ты верила, что должна услышать эту песню, вот тебе и показалось, что ты ее слышишь.

Но сестра уверяла, что явственно слышала все слова, и отец решил сам во всем убедиться. Вышел он в огород и крикнул: «Ха!». И девичий голос отозвался:

Отец почтенный, мир тебе и радость!
Коль сын твой дома, передай ему ты,
Что я благодарна Сияре...

И девушка повторила все то, что говорила недавно брату и сестре вероломного Сияры.

Рассердился отец на своего сына. Разыскал он его и сказал:

— Ты обидел девушку, Сияра, ступай в огород и сам с ней объяснись.

Удивился Сияра, пожал плечами, пошел в огород. Огляделся — никого нет. Тогда он крикнул:

— Где ты? А?!

И тогда услышал он голос своей прежней любимой. Дрожа от страха и угрызений совести, выслушал он грустную песню:

Твой голос слышу, Сияра, любимый!
Прими привет мой, Сияра, любимый!

Счастлива я в памяти хранить
Светлые дни твоей любви.
А когда покинешь мир ты, встретимся мы снова.
Там, откуда нет возврата, будет суд суровый,
И мы узнаем, кто виноват...

Утром юношу нашли в огороде мертвым.

45. ТАЙНА ДОЧЕРЕЙ НАИРИ

Однажды солдат, возвращавшийся с военной службы, решил переночевать на окраине одного города. Он разжег костер и хотел уже улечься спать, как вдруг увидел сидящую у его костра старуху, появившуюся неведомо откуда.

— Не гони меня, солдат,— сказала старуха,— дай мне обогреться и уснуть около твоего огня!

— Спи сколько угодно,— ответил солдат,— только, пожалуйста, не храпи!

Но как только солдат заснул, раздался богатырский храп старухи, и солдат проснулся.

— Ах ты, ведьма! — рассердился он.— Я же просил тебя не храпеть!

— Не сердись,— ответила старуха.— Я сейчас уйду. Ты был добр ко мне, не прогнал от своего костра, и я хочу тебе кое-чем услужить. Слушай меня внимательно. У нашего наири двенадцать дочерей, и все они исчезают куда-то на ночь. За одну ночь они стаптывают обувь и так изнашивают платья, что наири вынужден ежедневно давать им все новое. Он не на шутку встревожен этим, потому что казна его стала быстро истощаться. Наири обещал награду тому, кто проследит за ними, узнает, куда они ходят и почему за сутки изнашивают обувь и платье. Многие юноши пытались узнать тайну этих девушек, но никому из них это не удалось, и все они погибли от рук палачей наири. Ты же не погибнешь, если поступишь так, как я скажу. Вот возьми плащ-невидимку. Накинь его, когда пойдешь за девушками. Главное же — не развешивай уши, когда они станут зачаровывать тебя своими речами, и не

пей вина, которым они станут угощать тебя, потому что в вино они подмешивают сонное зелье.

Поблагодарил солдат старую женщину и наутро отправил в царский дворец. Поглядел на него наири и сказал:

— Что ты затеял, солдат! Ты уже не молод и не так ловок, как те юноши, которые пытались проникнуть в тайну моих дочерей. Тебе будет еще труднее, чем им. Ничего ты не узнаешь, и я, верный своему слову, должен буду казнить тебя. Пока не поздно, откажись от своего намерения!

Но солдат пообещал, что добьется успеха, и упросил наири позволить ему проследить за девушками.

Вечером этого дня солдат вышел во двор и расположился на траве под окнами комнаты девушек. Вскоре шумной, веселой толпой вышли они из дворца, как бы незначай подошли к солдату, стали расспрашивать его о солдатской жизни, угощать вином. Солдат делал вид, что пьет, а сам незаметно выливал вино за пазуху.

Через некоторое время солдат разлегся на земле и притворился спящим. Девушки стали смеяться над ним.

— Куда тебе! Молодые и сильные не смогли бороться против нас, а уж с тобой-то мы шутя справимся!

И девушки со смехом побежали прочь. Но он тотчас вскочил, накинул на себя плащ, стал невидимым и поспешил за девушками. Солдат так спешил, боясь отстать от них, что задел нечаянно младшую сестру.

Она оглянулась и, не увидев около себя никого, вздрогнула.

— Сестры,— сказала она,— чувствую я, что сегодня нас ждет неудача. Останемся дома!

— Чепуха какая! — закричали девушки.— Бояться надо было молодых и ловких парней, а не этого усталого солдата, который спит сейчас мертвым сном!

Старшая сестра наклонилась к земле и сказала:

— Откройся дверь,пусти дочерей наири!

Тотчас в земле образовалось отверстие, и солдат увидел глубокий подземный ход с лестницей. Девушки стали спускаться под землю: сначала старшая, потом вторая по старшинству, за второй — третья. Последней шла младшая сестра. Спеша проникнуть под землю вместе с девушками, солдат бросился наперерез младшей и снова нечаянно задел ее.

— Сестры,— взмолилась девушка,— мне страшно! По-

верьте мне, что-то неладное происходит сегодня. Заклинаю вас нашей тайной, вернемся!

На нее опять прикрикнули:

— Если тебе страшно, возвращайся домой.

Но она не хотела оставаться одна и последовала за сестрами.

То, что увидел солдат под землей, было бесконечно прекрасно. Вместе с девушками он очутился в золотом царстве, где все: и деревья, и листья на деревьях, и земля, и дома были из чистого золота. Дочерей наири встретили двенадцать юношей, с головы до ног украшенных золотом и драгоценными камнями. Все вошли во дворец, и девушки стали танцевать с золотыми юношами. Пляска их была столь бурной, что вскоре платья их разорвались и от обуви почти ничего не осталось. Потом все стали пировать.

Солдат сел за стол, ел и пил вместе со всеми: никто ведь не видел его. После пира снова начались танцы, все были очень веселы, только младшая сестра грустила. Особенно встревожилась она, когда при возвращении солдат снова задел ее плечом: он очень торопился, чтобы перегнать девушек и сделать вид, что все время спал там, где девушки оставили его. Едва успел он сдернуть с себя плащ-невидимку, подошли девушки и снова стали потешаться над ним.

— Ха-ха-ха! Вот видишь, а ты беспокоилась! — говорили они младшей сестре.— Будь уверена, всю ночь проспал этот недотепа!

Но девушка только покачала головой и не сказала ни слова.

Наутро наири вызвал к себе солдата и потребовал от него раскрытия тайны. Солдат мог бы ему рассказать, что он видел, но ему очень хотелось еще раз побывать в подземном царстве, попировать с девушками и полюбоваться младшей, которую он успел полюбить. И он выпросил у наири еще двое суток.

Следующие две ночи прошли так же, как и первая: девушки поили солдата вином, он незаметно выливал вино за пазуху и притворялся спящим, а потом шел за ними. Солдат пировал вместе с девушками, любовался их танцами, а уходя, брал с собой какую-нибудь вещь в доказательство того, что был в золотом царстве.

После третьей ночи солдата позвали к наири.

— О наири, я все скажу, но я хочу говорить в присутствии твоих дочерей,— сказал солдат.

Наири приказал позвать девушек. Когда они пришли, солдат заговорил:

— О наири, я три ночи не спал, а сопровождал твоих дочерей туда, куда они ходили.

Девушки зафыркали, захихикали, зашептались:

— Он боится, что ему отрубят голову, вот и выдумывает!

Только младшая сестра оставалась печальной.

Солдат стал рассказывать о том, что он видел в подземном царстве, и лица девушек вытянулись. Но старшая не хотела сдаваться и закричала:

— Он лжет! Как он докажет, что все это правда?

— Ну, а ты что скажешь? — спросил солдат младшую девушку.— Все ли было так, как я говорю?

— Да,— прошептала та, опуская голову.

— Нет, нет! Она нездорова. Ей все время что-то мерещится! — закричали сестры.

Тогда солдат вынул из-за пазухи золотую ветвь от подземного дерева, принесенную им в первую ночь. Девушки ахнули. Затем солдат протянул наири золотую чашу, захваченную им во вторую ночь. Обратясь к старшей из девушек, солдат спросил:

— Скажи теперь, что потерял в третью ночь твой приятель, старший из братьев?

Застигнутая врасплох, та призналась:

— Он потерял платок. Мы все его искали, но так и не смогли найти.

— Не этот ли платок? — спросил солдат, вытаскивая из кармана платок, похищенный им в подземном царстве.

— Этот! Этот! — вырвалось у всех девушек.

— Молодец! — сказал наири.— Ты проявил чудеса мудрости и ловкости. Ты будешь править моей страной, когда я стану совсем стар и слаб. А сейчас выбирай в жены одну из моих дочерей и управляй областью в моем государстве!

Солдат, не раздумывая, выбрал полюбившуюся ему младшую девушку, и вскоре сыграли пышную свадьбу. Солдат получил часть владений своего тестя, а впоследствии сам стал наири, мудрым и справедливым.

У одного набы умерла жена. Вскоре после этого он затосковал и занемог. Чувствуя приближение конца, он позвал самого преданного из своих слуг и сказал ему:

— Я так ослабел, что у меня не хватит сил самому посвятить сына во все тайны моего богатства. Я доверяю тебе все ключи и прошу тебя после моей смерти показать сыну все, что есть в моем дворце, и передать ему все ключи, кроме одного... Ты сам знаешь, какого... Этот ключ принесет юноше много бед, а может быть, даже смерть! Смотри же, будь верен ему так же, как был верен мне.

С этими словами наба скончался.

После его похорон слуга взял ключи и повел набию осматривать дворец. Комнат во дворце было много, и в каждой комнате — сундуки с одеждой и сокровищами. Не один и не два дня потребовалось набию, чтобы все хорошенько осмотреть. Слуга был прекрасно осведомлен обо всех делах покойного набы, хорошо знал его владения, и вскоре благодаря ему набию так же хорошо ознакомился с делами и с богатством отца. Однако юноша заметил, что слуга, видя его по дворцу, всегда беспокоился, когда они оказывались вблизи одного из сундуков, как бы случайно не осмотренного ими. Всякий раз, когда они проходили мимо этого сундука, слуга начинал торопиться, звал юношу в другую комнату или старался разговором отвлечь его внимание от этого сундука.

Когда слуга наконец передал набию все ключи, юноша пересчитал их: одного не хватало. Напрасно старался слуга уверить своего господина, что все ключи на месте.

— Я уже давно заметил, что ты намеренно не показываешь мне один из сундуков,— возразил юноша.

— Такова была воля твоего отца,— вздохнул слуга.— Этот сундук может принести тебе несчастье.

— Я хочу видеть, что в нем. Отец скончался, и я теперь хозяин всего, что есть во дворце. Я должен знать, чем владею. Дай ключ!

Тогда слуга пообещал набию открыть сундук на другой день. Юноша уступил, но подумал, что слуга решился на какую-то хитрость. Действительно, на другой день слуга встал

очень рано, пошел к сундуку, открыл его, достал портрет девушки ослепительной красоты и прикрепил к внутренней части крышки сундука тыльной стороной наружу, так, что, не вглядываясь, нельзя было и заметить, что в сундуке лежит портрет.

Однако набиа, ожидавший какого-нибудь подвоха со стороны слуги, сразу обнаружил портрет, достал его, взглянул и... упал в обморок, пораженный необыкновенной красотой девушки. Очнувшись, он воскликнул:

— Любой ценой я разыщу красавицу и женюсь на ней.

Ничего не поделавшись, снарядил слуга корабль, погрузил на него множество дорогих товаров и вместе с набиа отправился в соседнее царство, где жила красавица. Приплыли они туда, и слуга, захватив часть привезенного богатства и переодевшись купцом, отправился в город. В первый же день он встретил красавицу царевну, гулявшую по городу со своей свитой. При виде разложенных перед купцом роскошных платьев и украшений, царевна обрадовалась и хотела выбрать некоторые для себя.

— Подожди, красавица,— остановил ее купец.— На моем корабле остались вещи гораздо красивее.

И царевна тут же пожелала отправиться на корабль. Слуга-купец собрал свои товары и повел к кораблю царевну вместе с ее служанками. Там в трюме царевна увидела такие богатые наряды и украшения, что у нее не хватило денег на все то, что ей хотелось купить. Она поднялась наверх, чтобы послать служанок домой за деньгами, и с ужасом увидела, что корабль уже в открытом море.

Бедная царевна была в отчаянии. Но напрасно она плакала и умоляла отпустить ее: влюбленный набиа не в силах был отказаться от нее и уводил свой корабль все дальше и дальше от берегов ее страны. Лишь к концу пути красавица немного успокоилась.

Однажды слуга, проходя по палубе, увидел подлетающих к кораблю трех грифов. Птицы уселись на мачте корабля и зловеще замерли. Слуга был мудр, понимал птичий язык, поэтому он притаился у мачты и стал прислушиваться.

— Роковой срок приблизился,— скрипучим голосом произнес первый гриф.— Скоро свершится судьба молодого наби. Когда корабль причалит к берегам его владений, дворцовая челядь выйдет встречать его и два коня в великолепной сбруе

будут предоставлены ему и его невесте. Но едва наба сядет на коня, он умрет. Если же кто-нибудь повторит вслух сказанное мною, ноги его окаменеют. Да будет так.

Сердце царского слуги забилося от волнения, но тут заговорил второй гриф:

— Если случай избавит набу от смерти на берегу моря, он погибнет в своем дворце, когда ему подадут свадебный наряд. Разумеется, он выберет лучший, и это будет роковой выбор. Если же кто услышал мои слова, то пусть молчит, иначе торс его превратится в камень. Да будет так.

Холодея от ужаса, услышал царский слуга слова третьего грифа:

— Нет, нет, набе не избежать злой участи, которую он заслужил, добиваясь этого брака. Он не хотел слушать предостережений и теперь умрет даже в том случае, если свадебный наряд не убьет его. Во время свадебного пира ему подадут золотой бокал, и, едва пригубив его, наба упадет бездыханным. Если же слова эти кто-нибудь повторит, голова того, кому принадлежат столь болтливые уста, превратится в камень. Да будет так.

Долго стоял слуга у мачты, не в силах тронуться с места. Ужас сковал его. Что делать? Предстояло или погибнуть самому, или предоставить молодого набу его злой участи...

Когда корабль бросил наконец якорь у берегов страны, которой правил молодой наба, случилось то, что предсказывал первый гриф: толпа приближенных вышла встречать своего господина, и, когда наба с невестой вышел на берег, к нему подвели двух стройных молодых коней в великолепной сбруе, сверкающей золотом и драгоценными камнями. Молодой наба успел поставить одну ногу в стремя, но в этот момент слуга метнулся к коню, рванул его под уздцы так, что наба чуть не упал на землю, и быстро отвел обоих коней в сторону. Не успел наба понять, в чем дело, как перед ним стояла уже старая жалкая кляча в плохонькой истертой сбруе.

Эта выходка слуги обидела и раздосадовала набу, но он не сказал ни слова и молча сел в старенькое потрепанное седло полуслепой клячи.

Когда прибыли во дворец, набе подали свадебный наряд,— ведь он слишком боялся потерять свою невесту и не хотел откладывать свадьбу ни на один день. Свадебный наряд набы весь сверкал драгоценными камнями, но едва наба протянул

к нему руку, как слуга схватил платье, быстро разорвал его пополам и подал набе другое, простое и скромное, не соответствующее сану набы и торжественному моменту.

— Слишком много воли ты забрал,— пробормотал рассерженный наба, но, глубоко затаив обиду против слуги, подчинился ему. Ведь недаром говорят: чтобы вывести из себя мужчину, нужно оскорбить его трижды.

Вечером сели за свадебный пир. Перед набой поставили старинный золотой кубок, но не успел наба коснуться его губами, как стоявший за его спиной слуга вырвал кубок из его рук так, что вино пролилось на стол и на костюм набы. Отшвырнув в сторону золотой кубок, слуга поставил перед набой простой деревянный.

Молодой наба потерял терпение.

— Всему есть предел,— сказал он холодно.— Ты трижды оскорбил своего государя и даже не счел нужным объяснить свое нелепое поведение. Ты будешь немедленно предан смерти. Взять его.

Царские стражники подбежали к слуге и схватили его за руки. Тогда слуга попросил разрешения сказать перед смертью несколько слов.

— Говори,— согласился наба.

— Когда мы плыли на корабле,— начал слуга,— три грифа сели на мачту, и один из них сказал, что, если ты сядешь на красивого коня, которого подведут тебе на берегу, ты немедленно умрешь, а если кто-нибудь скажет тебе об этом, то ноги его превратятся в камень...

Общий крик ужаса прервал рассказ слуги: все увидели, что туловище его как бы вырастает из бесформенной каменной глыбы.

— Молчи, молчи, ни слова больше! — закричал наба, в отчаянии обнимая своего верного слугу.

— Нет, я расскажу все,— грустно сказал слуга,— теперь мне все равно: ведь я наполовину уже камень. Второй гриф сказал, что, если ты наденешь тот наряд, который приготовлен к твоей свадьбе, ты погибнешь, а кто предупредит тебя об этом, у того все туловище станет камнем...

И все увидели, как на месте, где стоял царский слуга, появился высокий серый камень с человеческой головой,— это было все, что осталось от слуги. Но голова продолжала говорить:

— Третий гриф предрек тебе гибель от золотого кубка за свадебным столом, поэтому я вырвал кубок из твоих рук. Если бы я сказал тебе правду, голова моя окаменела бы...

Он хотел добавить что-то еще, но не мог, так как у него больше не было ни рта, ни глаз, ни ушей: он весь превратился в камень.

Гибель верного слуги омрачила свадебное торжество, радость набы перемежалась со скорбью, но ничего нельзя было изменить. Наба оставил в своем доме камень, бывший когда-то его верным слугой. Он положил камень в красивый ящик и, проходя мимо, всякий раз с чувством глубокого раскаяния вспоминал человека, который спас ему жизнь и которого он так несправедливо обидел и погубил.

Прошло три года. Наба счастливо жил со своей красавицей женой, привыкшей к нему и полюбившей его, и у них был уже маленький сын, только что начавший бегать и разговаривать, когда случилось нечто необычайное.

Однажды наба, проходя мимо ящика с камнем, услышал глубокий вздох. Удивленный и встревоженный, он подошел к камню и убедился, что камень дышит.

— Неужели ты жив еще, мой верный слуга? — спросил наба, и камень заговорил в ответ:

— Да, я жив, но мне суждено вечно оставаться камнем, хотя ты мог бы вернуть мне прежний облик, пожертвовав жизнью своего сына. Кровь твоего ребенка оживит камень, и я снова буду жить в твоём дворце и служить тебе по-прежнему. Ничто другое не может меня спасти.

Умолк камень. Опечаленный наба долго сидел неподвижно, опустив голову и размышляя. Наконец он решил, что должен пожертвовать сыном для верного слуги.

В тот самый момент сын набы, весело смеясь, вбежал в комнату и отец, не дав ему опомниться, быстро отсек ему голову длинным ножом. Мальчик упал. Кровь его обильной струей обгарила камень, и в тот же миг наба увидел перед собой верного слугу, живого и невредимого.

— Не печалься,— улыбаясь, сказал слуга,— не огорчайся, что потерял сына. Он будет жить. Ты поступил честно со своим верным слугой, и я не останусь неблагодарным.

С этими словами слуга исчез в соседней комнате. Он знал все тайны дворца: в нем он много лет служил старшему набе — своему прежнему господину. Вскоре он вернулся с ка-

ким-то порошком в руке. Этим порошком он посыпал шею убитого ребенка, и рана его моментально зажила. Ребенок вскочил на ноги и как ни в чем не бывало подбежал к отцу.

Тогда наба пошел к своей жене и сказал ей:

— Мы можем вернуть жизнь нашему слуге, но для этого надо пожертвовать сыном. Как нам быть?

Женщина заплакала, но сказала:

— Что делать? Ведь если бы не этот человек, мы с тобой и не встретились бы и сына нашего не было бы на свете. Тяжело расставаться с сыном, но мы не должны дорожить им больше, чем верным слугой. Дети у нас еще будут, а слуги, такого преданного, как тот, мы больше не найдем!

Наба был очень доволен ответом своей жены, потому что он думал так же, как она. И он рассказал ей все, что произошло: как он убил сына и как оживший слуга вернул к жизни мальчика.

Нечего и говорить, какой это был радостный день для молодого наба. Его старый верный слуга снова был с ним. Больше ничто не нарушало его счастья, он стал отцом многих сильных и мудрых сыновей и царствовал в своей стране долго и справедливо.

ДВЕ ШУТКИ О НЕВЕРНОЙ ЖЕНЕ

47. ШУТКА ПЕРВАЯ

У жены охотника были два приятеля, которых она часто принимала в отсутствие мужа. Однажды муж сказал, что на целых два дня уходит на охоту. Жена немедленно известила своих приятелей.

Вечером пришел к ней один из них, более любимый и удачливый. Стали они пировать и веселиться, да на беду в лесу разразилась гроза и охотник вернулся домой. Услышала жена стук в дверь и второпях запрягала своего гостя в глиняное дуку.

Не успел муж обсушиться у огня, как снова послышался стук в дверь — это шел в гости к его жене второй приятель, с которым она меньше церемонилась, и если принимала, то во

вторую очередь. Женщина была находчива и никогда не терялась. Она подошла к двери и громко спросила:

— Ты что, явился за дуку?

— Да,— смекнув, в чем дело, отозвался новый гость.— Жене самой некогда, и она послала меня.

Женщина открыла дверь, впустила гостя и велела ему взвалить дуку себе на голову. Кряхтя, поднял он своего соперника, тихо сидевшего в дуку, и с трудом водрузил себе на голову. Жена охотника быстро закрыла за ним дверь.

— Ну и тяжесть! — вслух сказал бедняга, таща на голове дюжего парня и большое дуку в придачу.— И все же я счастливчик: ловко избежал неприятности!

Не выдержал его соперник, громко фыркнул и сказал:

— Уж не полагаешь ли ты, что тебе повезло больше, чем мне?!

Показалось первому, что это голос мужа его подружки, швырнул он свою ношу на землю и был таков. Дуку раскололось, а человек набил себе на затылке огромную шишку. «Даже мне не всегда везет», — подумал он.

48. ШУТКА ВТОРАЯ

Другая история произошла с солдатом. Он был на войне так долго, что жена его начала скучать и завела дружка. Однажды, когда они были вместе, неожиданно вернулся муж. Гостю некуда было деться, он высоко подпрыгнул, ухватился за потолочные балки и повис. Прошло довольно много времени, он устал, руки его стали ослабевать, и он почувствовал, что вот-вот упадет.

Наконец муж и жена легли спать. И тут силы оставили парня. Шлепнулся он между мужем и женой, но не растерялся и крикнул:

— Здравствуй, солдат! Бог послал меня приветствовать тебя.

Вскочил солдат, бросился вон из дома и долго бежал не останавливаясь. Наконец он опустился на землю перевести дух и подумал: «Ну и ну! Столько лет я был на войне и за все время не натерпелся такого страха, как за сегодняшний вечер!».

НЕПЕРЕВЕДЕННЫЕ СЛОВА, ВСТРЕЧАЮЩИЕСЯ В СКАЗКАХ *

- баа — собака
барылим — иголка
бири — огородное растение типа капусты
буа — козел
бунянга — коза
быгыны — лев
вафу — змея
вобугу — слон
вуа — ящерица
гаа — дикорастущие древесные плоды
гумачуа — хамелеон
дуку — глиняный сосуд
зуа — гриф
зынга — рыба
конга — прокаженный
кунбунгу — животное, напоминающее медведя; живет в земле и легко передвигается под землей. В науке не зарегистрировано
кундунгу — животное из семейства гиен, напоминающее волка
купарга, или чинчирга, — леший
кури — мотыга
курычу — свинья
куу — олень
лаа — тарелка
лана — testes
ма — мать
манга — маленькая обезьяна (в отличие от патыри — человекообразной)
мба — отец
мбери — брат; мбе — форма обращения к брату

* Названия некоторых животных в языке мамприси имеют звукоподражательный характер. Например, название осы — «салимвунга» — напоминает жужжание насекомого. При передаче слова русскими буквами это звукоподражание часто теряется, так как русская транскрипция лишь условно может передать некоторые звуки, характерные для языка мамприси. Например, сочетание *ng* указывает здесь на заднеязычный звук, обозначаемый в английской транскрипции *ŋ*.

мокуручú — кабан, дикая свинья
наба — то же, что «найри», — царь, вождь племени или группы родствен-
ных племен
наба́а — дочь или сын царя
наб́иси — форма множественного числа от «наба»
найри — царь, вождь племени См. «наба»
напока́ — музыкальный инструмент типа флейты, сделанный из тростника
нд́ыма — тесть или теща
нйина — птица
но́руу — петух
ня́быга — крокодил
па́нга — кузнечик
пап́ыри — черепаха
пара́бы́а — антилопа
патырина́рга — паук, то же, что «самбули»
пу́лори — лягушка
пью́ — баран
са́мбули — паук, см. также «патыринарга»
салимв́унга — оса
сильм́ин-дукú — металлический бак или котелок
со́нга — заяц
су́люгу — ястреб, коршун
туса — охотник
фа́бга — плетка, то же, что па́сыри
ча́мбарга — мышь
чжа́нбыны — леопард.

- К стр. 31* В а р и — национальная игра в камешки.
- К стр. 33* П л а н т а н ы — особый вид бананов, обычная пища
жителей Ганы.
- К стр. 34* С а к о р у — блюдо, приготовленное из различных пло-
дов и напоминающее кашу; любимая пища мамприси.
- К стр. 36* Т ы б у д е ш ь е с т ь п е с о к — выражение, аналогичное
русскому «От тебя мокрое место останется».
- К стр. 41* З у б у - б ь ю — восклицание, выражающее досаду.
- К стр. 43* Сказки, подобные этой и следующей, рассказываются
детьми, которые, бегая в деревьях голышом, привыкзют
не стыдиться своей наготы и потому не видят в таких
сказках ничего неприличного, а относятся к ним только
как к веселым шуткам.
- К стр. 61* Хотя в фольклоре все животные осознаются как люди,
паук и маленькая обезьяна прямо отождествляются с
человеком в народном сознании мамприси.

НОТНЫЕ ЗАПИСИ

№ 7. ОТЧЕГО У ОСЫ ТОНКАЯ ТАЛИЯ

поса-ди-ли ме-ня , ка-ла-на биб , ты-ты - биб

ка-ла-на ! по-за-бы-ли ме-ня , ка-ла-на биб ,
и до-мой са- ма по - ка-ти-лась я ,

ты-ты биб ка-ла-на ! биб- ты , биб-ты ,

ка-ла-на биб , ты - ты биб ка-ла-на !

Detailed description: The musical score is written on four staves. The first staff begins with a treble clef, a common time signature (C), and a 2/4 time signature. It contains a melody with a triplet of eighth notes. The second staff continues the melody with a repeat sign and a 7/8 time signature. The third staff has a 3/4 time signature and includes a triplet of eighth notes. The fourth staff concludes the piece with a triplet of eighth notes and a double bar line.

№ 8. ПОЧЕМУ ЛЯГУШКИ ЛЮБЯТ БОЛОТО

сар-би-ла , сар-би-ла , на - грей мне во- ды .

Detailed description: The musical score is written on a single staff with a treble clef, a key signature of two sharps (F# and C#), and a 2/4 time signature. The melody features a triplet of eighth notes. The piece ends with a double bar line.

я ска-зал лишь а-а, и ги-е-на у-па-ла.

сар-би-ла, сар-би-ла, на-грей мне во-ды.

№ 9. О ЧЕМ ВОЕТ КУНДУНГУ

ты за-да-ай е-му, ву-а, ну-ка, ну-ка,

по-ка-жи-и е-му, ву-а, ну-ка, ну-ка.

№ 10. КАК ПОЯВИЛИСЬ ПТИЦЫ

са-лим-бу-ни, са-лим-бу-ни, вер-нись ко мне,

са-лим-бу-ни. Все тво-и дру-зья ми-мо

ме-ня хо-дят, са-лим-бу-ни, но из них о-

ДИН ТЫ МЕ-НЯ У-ВИ-ДЕЛ, СА-ЛИМ-БУ-НИ,
 И ПО ГО-ЛО-ВЕ МЕ-НЯ У-ДА-РИЛ, КУ-ЭЙ,
 СА-ЛИМ-БУ-НИ, САМ ЖЕ ПРОЧЬ ПО-ШЕЛ, ПО-ШЕЛ,
 БЫ-СТРО, ЛЕ-ЛЕ-ГЕ, ЛЕ-ЛЕ-ГЕ,
 ПО-ШЕЛ, ПО-ШЕЛ, СА-ЛИМ-БУ-НИ,
 ТУ-ЛЕ, ТУ-ЛЕ, СА-ЛИМ-БУ-НИ,
 БЫС-ТРО, КУ-ЭЙ, КУ-ЭЙ, ТУ-ЛЕ, ТУ-ЛЕ, СА-ЛИМ-БУ-НИ.

№ 11. ОТКУДА ВЗЯЛАСЬ РЫБА В ВОДЕ

О Ин-тырь-я, ЗА ПРУ-ДУ ДЕ-ЛА-ЮТ
 ЛЮ-ДИ ДЛЯ ТЕ-БЯ, ПУСТЬ ИН-ТЫ-РИ-Ю ЛЮ-ДИ

ЛО-ВЯТ, ПУСТЬ ИН-ТЫ-РИ-Ю ЛО-ВЯТ.

СА-МИ ТО-ГО НЕ ЗНА-Я, О-НИ
Э-ТИМ ЗЛО НА СЕ-БЯ НА-ВЛЕ-КУТ.

НО О-БИ-Д-НО ДО СЛЕЗ, НО О-БИ-Д-НО ДО СЛЕЗ,

ЧТО ИН-ТЫ-РЬЮ ПРЕ-ДА-ЛИ БЕС-ЧЕ-СТ-НЫЕ ЛЮ-ДИ.

№ 20 КАК ПАУК СТАЛ МАЛЕНЬКИМ (ИСТОРИЯ ШЕСТАЯ)

ЕС-ЛИ ВОД Я, ТО ПУС-КАЙ У-ТО-НУ Я,

ПУС-КАЙ, ПУС-КАЙ У-ТО-НУ Я.

№ 23. ПОЧЕМУ У ХАМЕЛЕОНА ТРЕХГРАННАЯ ГОЛОВА
(ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ)

НО-ГИ ТУ-СА КРИ-ВЫ, КРИ-ВЫ,

№ 24. ПОЧЕМУ У ХАМЕЛЕОНА ТРЕХГРАННАЯ ГОЛОВА
(ИСТОРИЯ ВТОРАЯ)

САМ-БУ-ЛИ ХО-ДИТ , ЧЕМ-ТО ОН ГРО ХО-ЧЕТ ?

У САМБУ-ЛИ ЛА-НА ЧАНЬ-ЧАНЬ , У САМ-БУ-ЛИ ЛА-НА ЧАНЬ-ЧАНЬ .

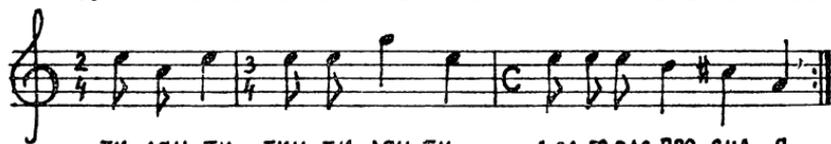
№ 26. ПОЧЕМУ У ХАМЕЛЕОНА ТАКАЯ ПОХОДКА

ГҮ- МА - ЧУ - А , БУДЬ ОС - ТО - РО - ЖЕН ,

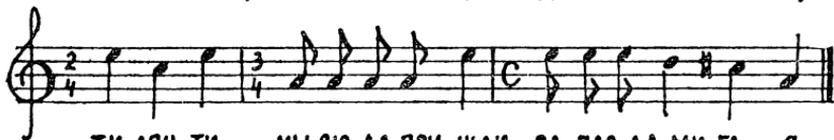
НЕ ПРО-ДА- ВИ ЗЕМ-ЛЮ , МБЕ ГҮ-МА-ЧУ - А , НАШ

БРАТ ЛЮ - БЕЗ НЫЙ , НЕ ПРО-ДА-ВИ ЗЕМ - ЛЮ .

№ 29. СКАЗКА О СЕМЕРЫХ БРАТЬЯХ И О МАЛЕНЬКОЙ ОСЕ

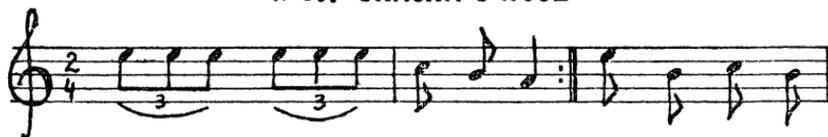

ТИ-ЛАН-ТИ, ТИН-ТИ-ЛАН-ТИ, ДОЛ-ГОВАС ПРО-СИЛ Я,

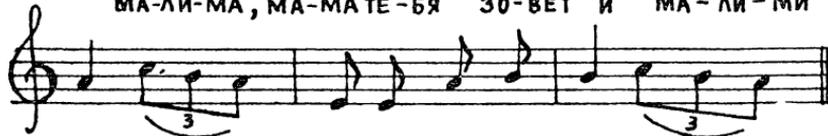

ТИ-ЛАН-ТИ, МЫ СЮ-ДА ПРИ-ШЛИ ЗА ПЛО-ДА-МИ ГА - Я.

№ 30. СКАЗКА О КОЗЕ

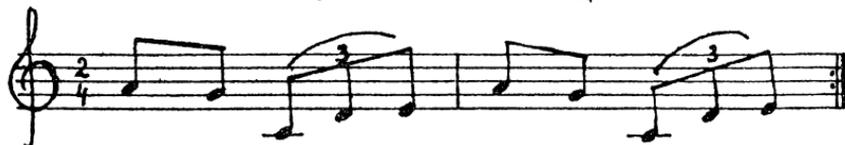

МА-ЛИ-МА, МА-МАТЕ-БЯ ЗО-ВЕТ И МА-ЛИ-МИ

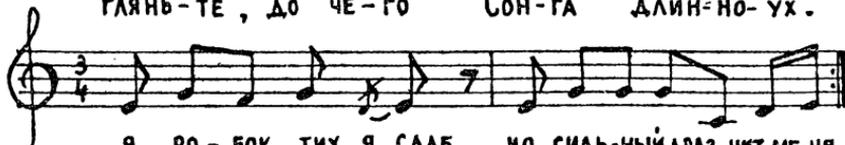

Ю ЗО-О-ВЕТ, МА-ЛАМ-БИ-Я ПО-ДО-О-ЖДЕТ.

№ 32. ОБЕЗЬЯНА И ЗАЯЦ

ГЛАНЬ-ТЕ, ДО ЧЕ-ГО СОН-ГА ДЛИН-НО-УХ.

Я РО-БОК, ТИХ, Я СЛАБ, НО СИЛЬ-НЫЙ ДРАЗ-НИТ МЕНЯ,

НО МАН-ГА НИ-ЧЕ-ГО НЕ ВИ-ДИТ, НЕ - ЕТ.

№ 36. ДЕРЗКИЙ ПАРЕНЬ И КУПАРГА

Ой, как зу-уб бо-лит,
 тре-тий день зуб мо-ой бо-лит,
 день и ночь зуб мо-ой бо-лит,
 Ой, как зуб бо-лит.

Detailed description: This musical score is for the song 'Дерзкий парень и Купарга'. It consists of three staves of music in G major (one sharp) and 4/4 time. The first staff begins with a 3/4 time signature and contains the lyrics 'Ой, как зу-уб бо-лит,'. The second staff contains two lines of lyrics: 'тре-тий день зуб мо-ой бо-лит,' and 'день и ночь зуб мо-ой бо-лит,'. The third staff contains the lyrics 'Ой, как зуб бо-лит.' and ends with a double bar line.

№ 38. О ДОБРОЙ ЖЕНЕ И О ЗЛОЙ ЖЕНЕ

ка-тит-ся по ле-су,
 бэ-лем, бэ-лем ку-га,
 н-ку-га, бэ-лем, бэ-лем.
 не зна-ю что, бэ-лем, бэ-лем ку-га,

Detailed description: This musical score is for the song 'О доброй жене и о злой жене'. It consists of four staves of music in G major (one sharp) and 3/4 time. The first staff contains the lyrics 'ка-тит-ся по ле-су,'. The second staff contains the lyrics 'бэ-лем, бэ-лем ку-га,'. The third staff contains the lyrics 'н-ку-га, бэ-лем, бэ-лем.' and includes a fermata over the first note. The fourth staff contains the lyrics 'не зна-ю что, бэ-лем, бэ-лем ку-га,' and ends with a double bar line.

НКУ- ГА , БЭ - ЛЕМ, БЭ - ЛЕМ ,

КА ТИТ СЯ ПО ЛЕ - СУ

БЭ- ЛЕМ, БЭ-ЛЕМ КУ-ГА , НКУ-ГА БЭ-ЛЕМ, БЭ-ЛЕМ.

№ 41. МУДРЫЙ СОВЕТ

СБЕ-ГАТЬ ЗА ОГ- НЕМ ПРО- СИЛ Я БРА-ТЬЕВ,

САМ ТОГ-ДА ПО- ШЕЛ О- ГОНЬ ИС- КАТЬ Я,

ВЕДЬ - МА КА- ШУ Е - ЛА , Е - ЛА , Е - ЛА ,

РТОМ, СПИ- НОЙ И НО- СОМ ВЕДЬ- МА -А Е - ЛА ,

ВСЕМ, ЧЕМ БЫЛО МОЖНО, ВЕДЬМА ЕЛА.

№ 42. ЮНОШИ-РЫБЫ

СЕСТРЫ УШЛИ ТВОИ, МУМБАЛИМБААА,

СЕСТРЫ, ТВЕРДО РЕШИЛА ТЫ ОДНА,

МУМБАЛИМБААА, ТВЕРДС,

В ТАЙНУ ПРОНИКНУТЬ НАШУ, МУМБАЛИМБААА,

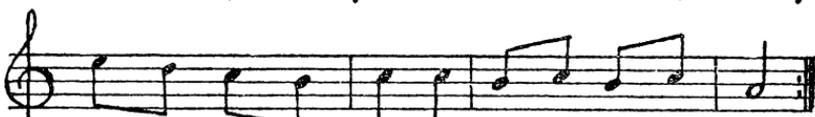
ТАЙНУ, КРАСИВА ТАЙНА НАША,

МУМБАЛИМБААА, КРАСИВА.

№ 43. СУДЬБА ГОРДОЙ КРАСАВИЦЫ

МА - МА , МА - МА , ТЫ ВПУС - ТИ МЕ - НЯ , МА - МА ,

Я В ТВО - ЕЙ МО - ГИ - ЛЕ , МА - МА , СХО - РО - НЮСЬ ,
 НЕТ У МУ - ЖА ПАЛЬ - ЦЕВ , Я Е - ГО БО - Ю СЬ .

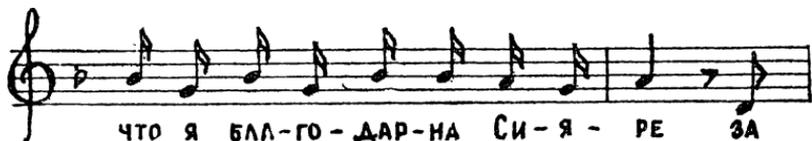

МА - МА , МА - МА , ТЫ ОТК - РОИ МНЕ , О МА - МА .

№ 44. ВОЗМЕЗДИЕ ЗА НЕВЕРНОСТЬ

АХ , ГО - ЛОС БРА - ТА - А СИ - Я - РЫ Я СЛЫ - ШУ ,
 КОЛЬ БРАТ ТВОЙ ДР - МА - А , ПЕ - РЕ - ДАЙ Е - МУ ТЫ ,

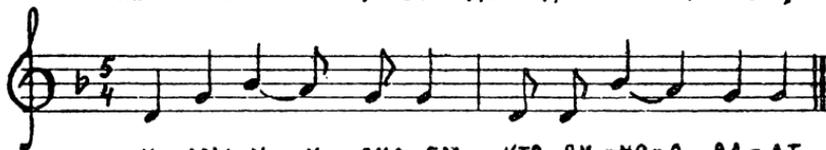
ЧТО Я БЛА - ГО - ДАР - НА СИ - Я - РЕ ЗА

Е - ГО ЛАС - КУ И ЛЮ - БОВЬ , НО КОГ - ДА ПО -
 ТАМ , ОТ - КУ - ДА

КИ - НЕТ МИР ОН, ВСТРЕ - ТИМ - СЯ МЫ СМО - ВА,
НЕТ ВОЗ - ВРА - ТА, БУ - ДЕТ СХД С У - РО - ВЫЙ,

И МЫ У У - ЗНА - ЕМ, КТО ВИ - МО - О ВА - АТ.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В Африке к югу от Сахары простираются необозримые равнины Судана. С северной его части — полупустыни, южнее — пояс саванн, доходящий до границ тропического леса Гвинеи и Конго. Арабы, проникшие в эти страны в VIII—IX вв., называли их *Билад ас-Судан* — «страной черных», и теперь мы называем всю эту часть африканского материка — от Атлантического океана вплоть до Нила — Суданом.

Судан делят обычно на три части: Западный, т. е. все страны от Сенегала до оз. Чад, Центральный — области к востоку от этого озера и, наконец, Восточный, куда относятся страны в бассейне Нила в его среднем течении. Восточный Судан после освобождения страны от английского господства стал независимой Республикой Судан.

Мампруси — небольшой народ в самом центре Западного Судана. Вся история народов Западного Судана связана с Нигером, одной из величайших рек мира. В своём течении она описывает огромную дугу, как бы опоя-

сывающую с севера области, где живут народы гур, к числу которых принадлежат мампруси. Название этой великой реки дано европейцами. Африканские народы называют ее иначе. В верхнем своем течении Нигер протекает по странам, населенным мандинго, которые называют его Джолиба. Здесь в долине реки много веков тому назад существовало древнее государство Мали и столицы его — Ниани и Кангаба — находились на берегу Джолибы. Нынешняя столица Республики Мали — Бамако — также раскинулась на берегах великой реки у подножия Мандингских гор. Далее, в среднем своем течении, Нигер вступает в полусухие области Сахеля, что в переводе означает «берега», т. е. области, находящиеся на краю Сахары. Здесь живут сонгаи, которые называют Нигер Великой рекой — Исса-Бер. Еще в IX в. тут образовалось государство сонгаев, две столицы которого — Тимбукту и Гао — находятся на ее берегах. Миновав пороги Буса, Нигер устремляется к югу и, проходя по странам, где живут хауса, получает новое название — Кворра. Наконец, в нижнем течении Нигер входит в полосу тропического леса и при своем впадении в Гвинейский залив образует огромную дельту, в центре которой много веков назад было большое государство. Португальские и голландские мореплаватели, посетившие его в XVI—XVII вв., называли его столицу Великим Бенином и описывали величие города и царского дворца. И город и дворец Бенина были сожжены в 1897 г. британской карательной экспедицией, когда Англия захватывала страны, вошедшие впоследствии в состав английской колонии Нигерии

Итак, с севера народы гур были окружены цепью древних государств — Мали, Сонгаи и Хауса. Все население этих стран в той или иной степени подверглось влиянию арабской культуры, было обращено в ислам, и в этой части Судана сложилась известная культурная общность, которая, несмотря на многообразие народов, живших в долине Нигера, проявляется и в архитектуре, и в одежде, и во многих обычаях и обрядах.

Полную противоположность им составляли народы и племена, жившие в центре Западного Судана, внутри дуги, образованной великой рекой Джолиба — Исса-Бер — Кворра. Многочисленные племена — гурма, гуренсе, курумба, гуси, моси, мампруси и др. — родственны между собой и составляют единую в языковом отношении группу народов гур. Замечательным образом эти племена на протяжении всей истории сохранили свою самостоятельность, устояли в борьбе с мощными государствами долины Нигера и сохранили свою культуру, обычаи и верования.

Исторические хроники Тимбукту рассказывают о походах за рабами, которые предпринимали цари Мали и Сонгаи в страны юга. Северная группа племен гур, к числу которых относятся моси, в борьбе со своими врагами создала сильную военную организацию. Во главе государства

Моси стоял верховный вождь, или царь, носивший титул *моро-наба*. Главы военной организации — начальники боевых отрядов лучников, конников, копейщиков, а также вся чиновная знать, носящая пышные титулы и составляющая двор царя, сохранились до наших дней, но, конечно, теперь не имеют почти никакого значения.

При дворе *моро-набы* сохраняются еще исторические предания и известно передаются списки царей и их деяния. Исторические хроники Тимбукту, написанные в XVI в., рассказывают о вторжениях отрядов моси в долину Нигера и о взятии ими больших торговых городов. Во всяком случае государство Моси оказалось как бы крепостью, о которую разбились волны северных завоевателей. Моси отстояли не только свою страну, но защитили и спасли от уничтожения и другие народы, близкие им по языку и культуре. Среди этих народов лишь два — дагомба и мампруси — имели военную организацию, сходную с моси. Эти государства, по-видимому, сложились также много веков назад в борьбе со своими южными соседями — правителями государств Гвинейского побережья, которые предпринимали походы за рабами на север, в том числе в страны, населенные племенами гур.

Изучение местных преданий и исторических традиций, обычаев и обрядов народов гур показало, что все они считают небольшую страну мампруси и, в частности, селение Гамбага центром, где возникли и откуда распространились все три народа — моси, дагомба и мампруси. Так, до наших дней в Уагадугу (Республика Верхняя Вольта) сохраняется еще двор *моро-набы*, т. е. верховного правителя моси, где свято чтут древние традиции и соблюдают старинные обряды при возведении на престол нового правителя. Подобные обычаи сохранялись до недавнего времени и в небольшом городке Енди, прежней столице государства Дагомба, где до сих пор существуют еще вожди, носящие гордый титул царей Дагомбы. Подобно этому и правители давно исчезнувшего государства Мампруси, жившие в селении Налеригу, до недавнего времени соблюдали особый церемониал при вступлении на престол нового царя.

Изучение всех этих обрядов представляет большой интерес, так как в них сохранились отголоски исторических событий далекого прошлого. Оказывается, что при церемонии возведения на трон царя мампруси, носящего титул *наири*, т. е. «Великого царя», в Налеригу цари Моси величают нового царя своим «дедом», а цари Дагомбы признают его своим «отцом». Таким образом, исторические предания народов гур признают Мампруси древнейшим из всех трех государств, центром своей культуры. Действительно, в Налеригу до наших дней сохраняются еще остатки городских стен, окружавших двойным кольцом город. Внешняя стена ограждала поселки с полями и колодцами. Высота стены — несколько более 10 м, перед

ней был вырыт глубокий ров. Расстояние между внутренней и внешней стеной доходило до 300 м. К сожалению, никаких раскопок в этих местах никогда не велось, и мы почти ничего не знаем о древней культуре мампруси.

Как было сказано, мампруси относятся к большой группе народов гур, общая численность которых составляет около 2,5 млн. При империалистическом разделе Африки в конце прошлого века народы эти были разобщены и включены в состав различных колоний. Большая часть народов гур, в том числе моти, оказалась во владении Франции. Дагомба и окружающие их племена вошли в состав населения немецкой колонии Того. Мампруси и их соседи таленси, нанкансе и др. оказались в пределах северной провинции английской колонии Золотой Берег.

В наши дни почти вся Африка освободилась от колониального гнета и прежние колонии стали независимыми республиками. Страна Мампруси входит в состав северных районов Республики Ганы. Теперь там проложены дороги, связавшие удаленные от побережья Гвинеи районы мампруси со столицей и портовыми городами. Небольшое селение — Гамбага — превратилось теперь в город. Селения, расположенные вдоль шоссе дорог, становятся поселками городского типа с магазинами, гаражами и автозаправочными станциями. Северные области Ганы, прежде очень отсталые, тоже меняются. Повсюду проникает новая культура, строятся школы, создаются кадры местной интеллигенции — врачи, учителя, техники, инженеры. Молодежь получает знания не только в своей стране. Ее посылают для обучения в Европу, в том числе и в Советский Союз. Так, Франк Яро, рассказавший эти сказки, получает образование в Ленинградском государственном университете.

Основная часть мампруси живет в деревнях. Архитектура жилого дома у народов гур очень интересна. Дома некоторых народов напоминают своим видом средневековые замки Европы. Другие народы сооружают большие здания, прямоугольные в плане, в два, а иногда в три этажа. В каждом таком доме живет большая патриархальная семья, состоящая из нескольких десятков человек. У мампруси основной тип построек — круглые хижины с глинобитными стенами и конусообразной соломенной кровлей. Несколько таких хижин составляют отдельный двор или усадьбу, обнесенную невысокой глиняной оградой. В плане каждая такая усадьба представляет собой окружность. В усадьбе живет обычно одна большая семья, т. е. глава всей семьи, его жены и их дети. Тут же живут взрослые еще неженатые братья главы семьи, а иногда и женатые его братья со своими женами и детьми.

Обычно в усадьбе живет от 10 до 30 человек, а иногда даже больше, в особенности, если глава ее занимает видное положение в обществе. Его хижины ставятся обычно в глубине усадьбы, прямо против входа, а по кругу — хижины его жен. Каждая из жен имеет свою хижину, в которой живут и маленькие дети. Тут же неподалеку ставится обычно небольшая хижина, где хранится хозяйственная утварь, и возвышается глинобитное зернохранилище своеобразной конусовидной формы. Нередко участки каждого такого отдельного хозяйства обособлены невысокой глинобитной оградой.

Вблизи хижин за пределами усадьбы разбиты огороды, где женщины выращивают разные виды перца, земляные орехи, бобы, табак. Кроме того, на участках, где почва хорошо унавожена, сеют скороспелое просо и гвинейское сорго, а также батат, рис, кукурузу и т. д. Недалеке от поселка находятся полевые участки. Их редко удобряют. В начале апреля, после периода больших дождей, во взрыхленную землю сеют просо и сорго. Мужчины делают ямки в земле, а женщины и дети бросают в них зерна. Иногда, если на огородах не хватает места, на полях сажают земляные орехи, батат, рис и табак. В работах участвуют все члены большой семьи, нередко при сборе урожая и при расчистке целины приглашают на помощь соседей, которым ставят за это угощение. Иногда нанимают рабочих, оплачивая их труд или деньгами, или частью урожая. Урожай снимают в июне — июле. Мужчины срезают колосья, и женщины уносят их в корзинах для просушки. Оставшиеся стебли потом сжигают, и зола служит удобрением. Зерновые культуры хранят в зернохранилищах, иногда в глиняных сосудах и калебасах, а земляные орехи — в корзинах.

Обработка полей требует большого труда. Работа начинается обычно с восходом солнца и длится до полудня, а затем продолжается со спадом жары, примерно с трех до шести вечера, т. е. до захода солнца. Вечером все собираются у костров, и текут долгие беседы о разных деревенских делах. С наступлением ночной прохлады начинают рассказывать сказки. В сказках мы находим драгоценные сведения о быте народа, его мировоззрении, верованиях и обычаях. В сказках утверждаются моральные нормы и, как всегда у всех народов, в сказках мампруси восхваляются доблесть, отвага, верность, осуждаются зависть, гордость, хвастовство, наказуются предательство, неверность, неблагодарность, неуважение к старшим, осмеивается глупость, а ум слабого побеждает даже грозных соперников.

В сказках мампруси мы найдем и знакомые нам по русским сказкам мотивы. Такова сказка о козе, козлятах и злом кундунгу, который выкол себе у кузнеца голос и обманул козлят. Горе-злосчастье в сказках

мамприси предстает перед нами в африканском обличе малыша Малелефи. Сказка о льве и мыши представляет собой сюжет, распространенный во многих сказках народов Африки и хорошо знакомый нам по русским и вообще европейским сказкам. Широко распространен сюжет о соревновании в беге (сказка о черепахе и ястребе). Он известен еще по сборнику сказок Эзопа. Столь же древний сюжет мы находим в сказке о брадобрее, узнавшем тайну царя. Сказка о брадобрее, обнаружившем ослиные уши у царя Мидаса, известна еще в древней Греции. Она встречается и у других народов Африки, в частности у народов Эфиопии. В высшей степени интересна сказка о семи братьях. Ее можно рассматривать как африканский вариант сказания об Орфее. Все эти сюжеты связывают сказочный фольклор Африки с фольклором Средиземноморья. Эти связи относятся к далекому прошлому и отражают, возможно, общность культурного единства Судана и Средиземноморья.

Типично африканские сюжеты представляют собой сказки про паука. У народов Африки паук играет ту же роль, что и лиса в сказках народов Европы. Русские сказки о лисичке-сестричке, французские сказания о Лисе, немецкие — о Рейнеке-Лисе рисуют облик маленького, слабого, но хитрого, умного и подчас коварного существа. У народов Африки, живущих в зоне тропических лесов, герой подобного рода — паук. В районах саванн роль эта принадлежит зайцу. Однако у мамприси, живущих в полосе саванн, его место занимает паук. Вероятно, в этом сказалось влияние южных соседей мамприси — ашанти, у которых существуют настоящие циклы сказаний о пауке. Среди мампрусского цикла о пауке заслуживает внимания сказка о том, как обезьяна перехитрила паука, поставив липкое пугало. Эта сказка хорошо известна по сказкам дядюшки Римуса. Однако там обманутым хитрецом оказывается заяц. Как известно, сказки дядюшки Римуса были записаны среди негров Северной Америки, предки которых были вывезены несколько столетий назад из Африки и проданы в рабство. Таким образом, это сказки африканского происхождения и многие из них распространены в Африке и теперь. Так, сказка о липком пугале существует у суахили на восточном берегу Африки, но герои ее — умная черепаха и обманутый заяц. У мамприси умной оказывается обезьяна, а обманутым — паук. Вообще, хотя у мамприси хитрецом считается паук, что в общем нехарактерно для народов, живущих в саванне, следует заметить, что паук почти во всех сказках оказывается обманутым, чего мы не находим у ашанти.

В сказках встречаются и мифологические сюжеты: о мифической птице, о рыбе Интырье. Из сказок о хамелеоне, например, мы узнаем, что, по представлениям суданцев, вся земля была некогда покрыта водой и лишь после того, как вода спала, земля стала просыхать. Трудно сказать, можно

ли считать эту сказку отражением сказаний о потопе, хотя несомненно среди африканских народов было записано немало сказок, отражающих библейские сказания, которые проникли к ним через миссионеров.

В сборнике есть несколько сказок, несомненно чуждых мампруси. Такова, например, сказка о дочерях наири, по содержанию явно заимствованная. Рассказ о солдате, выслеживающем царевну, которая по ночам танцует в золотом царстве и стаптывает башмаки, широко распространен у многих народов Южной Европы, в частности в балканских странах. Таковы же шуточные сказки о неверной жене, которые проникли к мампруси через странствующих торговцев. Весьма замечательна сказка о верном слуге. Сам сюжет явно чужд народам Судана, живущим в глубине страны в саваннах. Царевич, отправляющийся искать свою суженую на корабле в далекие заморские страны,— фигура, безусловно не типичная для фольклора Судана. Эта сказка представляет собой восточный вариант сюжета, использованного в «Комедиях дель Арте» Карло Гоцци. Все ее детали в точности соответствуют поэтической сказке Гоцци. Однако конец сказки мампруси в высшей степени характерен для Востока и более мотивирован, чем финал комедии Гоцци. В этом отношении сказка мампруси логичнее и понятнее.

Д. А. Ольдерогге

ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СЮЖЕТОВ

Предметом настоящего комментария являются преимущественно сюжеты приведенных здесь рассказов. Примечания к сюжетам имеют цель указать на варианты и параллели, опубликованные в других источниках, и таким путем подготовить материал для географо-исторического изучения отмеченных повествовательных типов.

В методическом отношении сюжеты предлагаемых здесь достоверных записей фольклорных вариантов определяются по известным международным каталогам типов, иногда и мотивов. Список привлекаемых справочников и система ссылок на них указаны на стр. 114. В дополнение к типологическому определению сюжета примечания иногда содержат ссылки на аналогичные мотивы в настоящем сборнике, а затем даны указания на отдельные, преимущественно африканские, варианты, реже параллели, как правило, не учтенные справочниками, но вполне доступные ученому читателю. Эти данные, конечно, отнюдь не претендуют на полноту и могут лишь во многих случаях служить опорой для дальнейших поисков. Более полные указания на записанные в Африке варианты определенных повествовательных типов читатель найдет в справочниках Больте и Поливки (BP), Клиппль (M. A. Kipple, *African Tales with Foreign Analogues*, Indiana Diss. 1938 [Mikrofilm]) и др., которые отражены в международном каталоге Аарне-Томпсона (AaTh). Хорошую помощь оказывают иногда библиографические справки этнологической серии «Atlantis», как, впрочем, и примечания к отдельным сборникам народных рассказов, изданным такими африканистами, как Фробениус, Коль-Ларсен, Фон Сикард и др.

Типологический обзор новейших публикаций африканского фольклора читатель получит по мере их выхода в рассказоведческом журнале «Fabelula». Зная номер типа сюжета, фольклорист по ежегодным сводным таблицам в конце каждого выпуска журнала легко найдет указания на варианты, опубликованные в рецензируемых там сборниках. Номера типов будут вообще служить ключом для изыскания сопоставимых вариантов, которые в дальнейшем будут печататься издательством «Наука» в серии «Сказки и мифы народов Востока».

Разумеется, не все предлагаемые здесь рассказы одинаково легко поддаются типологическому определению. В тех случаях, когда принадлежность к указанному типу обнаруживается лишь в отдельных эпизодах или фрагментах, номера типов или ссылки даны в скобках. Нечетко выраженная принадлежность к каталогизированному типу, а также возможная параллель, структуральная аналогия и т. п. показаны сокращением ср. (читай: сравни) перед ссылкой. Отдельные мотивы уточняются по индексу Томпсона (mot.) или для удобства читателя кратко описаны в целях включения в будущий африканский региональный каталог фольклора.

Наличие контаминаций обозначено знаком +.

Известные затруднения в определении повествовательных типов (в настоящем сборнике это относится к 15 процентам вариантов) вызваны не столь качеством репертуара, сколь ничтожным количеством известных записей. При современном состоянии африканской фольклористики теоретические рассуждения о непригодности системы Аарне-Томпсона применительно к внеевропейскому фольклору по крайней мере преждевременны. Опыт показал, что повествовательный репертуар очень многих народов Африки в подавляющем большинстве записанных вариантов несомненно восходит к известным науке типам*. Комментируя типы рассказов, современный народовед, как и рядовой читатель, склонен задуматься о типичности публикуемого здесь репертуара для того населения, которое принято называть «народом мампруси».

За отсутствием значительного сопоставимого материала от мампруси, да вообще от группы моти (численностью ок. 4 млн.), трудно с уверенностью сказать, в какой степени репрезентативен, народен репертуар нашего рассказчика, что привнесено в традиционный сюжет его индивидуальностью, его возрастом, общественным положением. Неизвестно также, что может в

* Судя по настоящему сборнику (и это подтверждается статистикой многочисленных других африканских коллекций), географически, исторически, функционально и психологически обусловленная специфика проявляется в Африке не в большей мере, чем на других континентах. Африканское своеобразие, вероятно, сказывается в фольклоре меньше, нежели в других областях культуры, в частности материальной. К сожалению, научное рассказоведение еще не в состоянии доказать эмпирически, в чем эта все еще гипотетическая, хотя и бросающаяся в глаза европейцу, специфика заключается. Правда, отдельные африканисты, касаясь рассказов тех или иных народов, нередко указывали на черты, являющиеся, по их впечатлениям, специфическими для той или другой части населения Африки. Но подобные более или менее остроумные догадки, собственные науке прошлого века, доселе высказывались без необходимого учета полноты ныне доступных рассказоведению сопоставимых фактов. Все чаще учеными выдвигаются аргументы, согласно которым африканский репертуар в сущности мало чем отличается от репертуара евразийских народов (ср. Ranke, *Fabula* 1, 171; Narkort, *Fabula* 3. 190, 5. 173).

этих рассказах рассматриваться как отражение эпохального и локального вкуса, являясь данью времени и месту записи, собирателю, советскому читателю. Без специальных исследований невозможно установить, как звучали эти рассказы там и тогда, где и когда наш рассказчик воспринял их от окружающих. Между тем от этого зависит, в какой мере эти рассказы могут быть рекомендованы ученым как народные. (Всякие же попытки толкования этих рассказов в сугубо этническом отношении в свете известной нам по другим источникам конкретной действительности выходят далеко за пределы современной науки). Студент-мампруси, изучающий в Ленинграде русскую литературу,— это, пожалуй, уже по возрасту не самый типичный «сказитель», да и по другим признакам едва ли самый характерный представитель своего народа. Тем не менее репертуар таких, казалось бы, малоподходящих рассказчиков объективно отражает многое из того, что характерно для современного состояния фольклора (Ср. сборник сказок, записанных со слов африканских студентов: *African folktales told in Israel*, ed. by Gene Bahagau, Haifa, 1963). Ведь даже индивидуальные качества рассказчика, вероятно, довольно распространены у него на родине, а следовательно, и в репертуаре тех социальных групп, к которым рассказчик по происхождению, по возрасту, по образовательному уровню принадлежит.

Независимо от эстетических достоинств или недостатков репертуара нашего рассказчика — тут нет объективных критериев — предлагаемые здесь тексты и сборник в целом могут, конечно, считаться своего рода культурно-историческим памятником. В этой связи комментатор с удовлетворением отмечает исключительную добросовестность рассказчика, собирателя и бережное отношение редакции к записям. Техника записи, произведенной в 1963—1965 гг. на русском языке со слов рассказчика в Ленинграде, может считаться научно приемлемой. Принципы издания настоящего, первого в своем роде советского сборника заслуживают внимания ученых и любителей фольклора.

Документальное, объективное значение для науки в настоящее время имеет прежде всего распределение вариантов известных сюжетов в пространстве и во времени. Ареал распространения повествовательных типов представляется современным ученым фактором большой культурно-исторической важности. В этом ученые видят главный смысл усилий, направленных на собрание и издание фольклора. Определен свет по единой системе Аарне-Томпсона уже само по себе проливает свет на культурные связи Евразии и Африки. Предварительным условием географо-исторической или картографической документации является соотнесение публикуемых рассказов к определенным повествовательным типам. Этим и ограничивается комментатор.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АаАп — Н. П. Андреев, *Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне*, Л., 1929.
- АаТн — *The Types of the Folktale, a classification and bibliography Antti Aarnes's Verzeichnis der Märchentypen* (FF Communication № 3) Translated and Enlarged by Stith Thompson, Second Revision, Helsinki, 1961 (= FFC 184).
- BP — J. Bolte, G. Polivka, *Anmerkungen zu den Kinder- u. Hausmärchen der Brüder Grimm*, Leipzig, 1913 ff.
- chin — W. Eberhard, *Typen chinesischer Volksmärchen*, Helsinki, 1937 (= FFC 120).
- Dammann — Fabula 4 — E. Dammann, *Die «Urzeit» in afrikanischen Verschlingemythen*, — «Fabula», Bd 4 (Berlin, 1961), p. 130.
- FFC — Folklore Fellows Communications.
- Fabula — «Fabula». Zeitschrift für Erzählforschung Hg. Kurt Ranke Bd 1, Berlin, 1957 ff.
- Fuchs Dek. — P. Fuchs, *Afrikanisches Dekamerone*, Stuttgart, 1961. Rez. Harkort, — «Fabula», 5, 168ff.
- Hase — L. Kohl-Larsen. *Der Hase mit den Schuhen*, Eisenach, 1958. Rez. Harkort — «Fabula», 3, 190ff.
- Kürbis — L. Kohl-Larsen, *Das Kürbisungeheuer und die Amā'irmi*, Eisenach, 1963. Rez. v. Sicard — «Fabula», 7, 93ff.
- Medne — A. Medne, *Latviešu dzīvnieku pasakas*, Riga, 1940. Rez. Levin — «Fabula», 3, 182ff.
- Mot. — *Motif-Index of Folk-Literature*. Revised and Enlarged by Stith Thompson, vol. 1—6, Bloomington, Ind. 1955.
- Schullerus — Adolf Schullerus, *Verzeichnis der rumänischen Märchen und Märchenvarianten*, Helsinki, 1928 (= FFC 78).
- Sicard — Totenreich — H. v. Sicard, *Das Totenreich im Karanga-Märchen*, — Internationaler Kongreß der Volkserzählforscher in Kiel und Kopenhagen. Vorträge und Referate, Berlin, 1961.
- Sicard — Fabula 7 — H. v. Sicard (Rez. Kürbis), — «Fabula» 7, 93ff*.
- türk — W. Eberhard, P. N. Boratav, *Typen türkischer Volksmärchen*, Wiesbaden, 1953.
- Atlantis XI — *Volksmärchen und Volksdichtungen Afrikas*, Atlantis Band XI. Volksdichtungen aus Oberguinea I: Fabuleien dreier Völker, Jena, 1924.
- Аура Поку — *Аура Поку, Мифы, сказки, легенды, басни, пословицы народа бауле*. Собраны Г. Химмельхебером, М., 1960.
- Хауса — В. В. Лаптухин, *Сказки, притчи, легенды хауса*, М., 1964.

* Любезно предоставленный мне автором, известным африканистом Фон Сикар, еще в корректуре фундаментальный сборник (Harald von Sicard, *Karangamärchen*, Uppsala, 1965; принятое сокращение: КМ), к сожалению, не мог быть полностью вработан в аппарат настоящей книги. Благодаря подробному индексу мотивов и ценным комментариям читатель сам сможет легко найти нужные материалы.

АНАЛИЗ

- № 1. Ср. Mot. A1811. 2.+как появились кошки.
Ср. *Schöne Fabeln des Altertums* (Sammlg Dieterich, Bd 168), Leipzig, 1954, p. 85 (Asop); Halm, *Aisōpeiōn Mythōn Synagōgē*, Lipsiae, 1852, № 240.
- № 2. Ср. Mot. A2232. 1.+A2325. 3.+почему у осла длинные уши.
- № 3. Mot. A2494. 16. 1; ср. Медне* 59.
- № 4. AaTh 81 (1238).
- № 5. Ср. Mot. A2281. 3; ср. Mot. A2330. 3+почему у собаки нос черный.
- № 6. Почему кунбунгу живет в земле. Ср. № 26.
(Ср. Аура Поку стр. 36, 109).
- № 7. (AaTh 1960D) + AnTh2025 + почему у осы тонкая талия, толстое брюхо.
Ср. Аура Поку стр. 120; Kürbis pp. 16—29.
- № 8. Ср. AaTh 20 + AaTh 1134 (Mot. K1012. 2) + почему лягушки любят болото.
Ср. № 9.
Ср. Kürbis pp. 11—15; Sicard, — Fabula 7, 93; Dammann, — Fabula, 4, 130.
- № 9. AaTh 68; Ср. AaTh 20 + (AaTh 126; Mot. K1715) + о чем кундунгу воет.
Ср. № 8, 16.
Fuchs Dek. pp. 214—218; Ср. H. Nevermann, *Söhne des, tötenden Vaters*, Eisenach, 1957, 195, Anm. 31+36.
- № 10. Mot. A1900 — A1999; chin 83+откуда появились птицы.
(Ср. № 11).
(Fuchs Dek. pp. 35—41); Ср. Dammann, — Fabula 4, 130.
- № 11. Ср. chin 83, 82; Mot. A2100.
(Ср. № 10).
- № 12. Mot. A2611. 4.+T585. 2; AaTh 1012+AaTh 1681B+(Ср. AaAn* 242 I)+откуда взялся перец горький, перец сладкий.
(Ср. Аура Поку стр. 46. 141); Ср. Fuchs Dek. pp. 191—196; (Mot. T585. 2: Midraš Raba Gen. 34, 12; Lev. 5, 1; Pirke d'rabi El'azar 52). Sicard KM, 236, 272, 299, 340, 342 : 6,345 : 5,347 ff.
- № 13. Ср. Mot. A1459. 1. 5+(Ср. AaTh 563)+откуда появились плетки.
Ср. Аура Поку стр. 227; Ср. Fuchs Dek. pp. 127—132.
- № 14. Ср. AaTh 203; (AaTh 1088.)
Ср. Хауса стр. 19 — курица и слон.
- № 15. AaTh 122; Ср. Mot. K561. 3; (Ср. AaAn* 1527 I)+Ср. Медне **286; ***286 + почему паук стал маленьким.
Ср. № 16, 17.
Ср. Hase pp. 198, 7.
- № 16. Ср. (AaTh 68, 90, 21)+türk 288, IV, 4+почему паук стал маленьким.
Ср. № 15, 17, 18, 9, 15.
Ср. Fuchs Dek. pp. 214—218; Kürbis pp. 11—15; Dammann, — Fabula 4, 130.
Ср. H. Nevermann, *Söhne des tötenden Vaters*, Eisenach, 1957, p. 195, Anm. 31+36.
- № 17. (türk 352, I, 8) +почему паук стал маленьким.

- Ср. № 15, 16, 18.
- № 18. Ср. (Medne 175) + (AaTh 9) + почему паук стал маленьким.
Ср. № 16, 17, 20.
Ср. Hase p. 198, Anmerkung 6.
- № 19. Ср. № 15—18.
Ср. Аура Поку стр. 94—96; 96—99.
- № 20. Mot. H222 + почему паук стал маленьким + невинный не тонет.
Ср. № 15—19.
- № 21. Ср. AaTh 275.
- № 22. AaTh 155.
- № 23. Ср. chin 2; Mot. A2230. + почему у хамелеона трехгранная голова.
Ср. 24, 26, 25.
- № 24. Mot. A2230 + почему у хамелеона трехгранная голова.
Ср. № 23, 26, 25.
- № 25. (Ср. AaTh 225, *242) + почему у хамелеона голова трехгранная.
См. № 23, 24
Вероятно, пародия мотива: снятие головы во время купанья; см.
Sicard — Totenreich p. 401, Fußnote 13.
- № 26. Походка хамелеона сложилась, когда земля еще не отвердела; см.
№ 23, 6.
Ср. Аура Поку стр. 36, 109.
- № 27. (Ср. AaTh 956D).
- № 28.
- № 29. (AaTh 592 Hcd; Mot. D1415) + Medne **167.
Ср. Fuchs Dek. pp. 45—47.
- № 30. AaTh 123; Mot. G413 + K311. 3.
Kurbis 31—34.
- № 31. Необычное явление поражает насмерть: маленькая птичка выдает большую кучу навоза.
Ср. Аура Поку стр. 104.
- № 32. Этиологию в конце ср. Аура Поку стр. 124.
- № 33. (AaTh 537 I + AaTh 20 C) + почему звери живут в лесу.
Ср. № 34.
Аура Поку стр. 103 + (144).
- № 34. AaTh 103A + почему люди живут в домах; почему звери живут в лесу.
Ср. № 27.
Ср. Fuchs Dek. pp. 140—142; (Аура Поку стр. 144).
- № 35. Mot. J1113.
Atlantis, XI, Bassari p. 118ff. № 20: Spinne und die Klugheit;
Аура Поку стр. 91, 94.
- № 36. Ср. AaTh 1537; (türk. 359, III). Узнавание песней см. № 41.
- № 37. AaTh 169D* (1) + (AaTh 156A + 156*).
(Hase p. 30); Fuchs Dek. pp. 159—166, 151—153.
- № 38. (Ср. AaTh 480) + (Ср. türk 68; 59) + (AaTh 130B + C). — Ср. Atlantis,
XI, Tim p. 186f. № 8: Eisenkugel und Tonkugel.
Ср. Sicard — Totenreich p. 402 (KM40 + 318). —
- № 39. Ср. chin pp. 310, 20.
- № 40. AaTh 782
- № 41. (AaTh 325); BP II, 68, 140; Mot. D1611.
(Ср. № 36).

- Ср. Atlantis, XI, Tim p. 190f. № 10; Löwenopfer; Ср. Fuchs Dek. pp. 118—121; Kürbis pp. 121—123; Sicard — Totenreich p. 400 (KM 14:3; KM 43).
- № 42. Ср. AaTh 425M
Ср. Fuchs Dek pp 78—81.
- № 43. (Ср. türk 106) + Mot A2611. 0. 4. 1. + D671.
Ср. Atlantis, XI, Muntschi p. 291f. № 12: Die bestrafte Spröde.
- № 44. Simonsuuri FFC 182, С. 416—421: (Ср. Schullerus FFC 73, 3650*).
- № 45. AaTh 30b; türk 183, III, 3.
- № 46. AaTh 516.
- № 47. AaTh 1730 + AaTh 1419D.
- № 48. (Ср. AaAn * 891) + AaTh 1360 + (AaTh 1776).

СВОДНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

(При сличении вариантов сверить по типологическому анализу на стр. 115—117. Жирным набраны номера сказок публикуемого сборника)

- AaTh 9. 18. — 20: 9. — 20С: 33. — 21: 16. — 68: 9, 16. — 81. 4. — 90 16. — 103А: 34. — 122: 15. — 123: 30 — (126): 9. — 130В + С: 38. — 155 ?2. — 156. 37. — 169 D*(1) 37. — 203 14. — (225). 25. — *242 25. — 275 21. — 306 45. — 325 41. — 425М 42. — (480) 38. — 516 46. — 537 I 33. — (563) 13. — 592 Дcd: 29. — 782: 40. — (956D): 27. — 1012: 12 — 1088: 14 — 1134: 8. — 1238 4. — 1360 48. — 1419D; 47. — 1537: 36. — 1681В: 12. — 1730: 47. — 1776 48. — (1960): 7. — 2025 7. —
- AaAn *242 I 12. — (*891) 48. — *1527 I 15. —
- BP II, 68: 41. — II, 140: 41. —
- chin 2 23. — 82 10, 11. — 83 10. — p. 310, 20 39. —
- Medne *59 3. — **167 29. — (175) 18. — **286 15. — ***286 15. —
- Schullerus FFC 78, № 365С*: 44. —
- Simonsuuri FFC 182, С. 416—421: 44. —
- türk 59. 38. — 68 38. — (106) 43. — 183 III, 3 45. — 288 IV, 4 16. — 352 I. 8 17. — 359 III. 36. —
- Motif-Index (Mot) A1459. 1. 5: 13. — A1811. 2: 1 — A1900—A1999: 10 — A2100 11. — A2230 23. 24. — A2232. 1 2. — A2281. 3 5. — 2325 3 38. — A2330. 3 41. — A2494. 16. 1 39. — A2611. 4 12. — A2611. 0. 4. 1 43. — D671 43. — D1415 29. — D1611 41. — G413 30. — H222 20. — J1113: 35. — K311. 3 30. — K561. 3 15. — K1012. 2 8. — K1715 9. — T585, 2 12. —
- Halm ср. 240: 43. —

Этиология (рассказы о происхождении)

- Почему звери живут в лесу — № 33, 34.
Почему люди живут в домах — № 34.
Почему у осы галля тонкая — № 7.
Почему у осы брюхо толстое — № 7.

Почему у хамелеона голова трехгранная — № 23, 25.
Почему у хамелеона странная походка — № 26, 23.
Почему лягушки любят болото — № 8.
Почему паук стал маленьким — № 15—20.
Почему у осла длинные уши — № 2.
Почему у собаки черный нос — № 5.
Почему Кунбунгу живет в земле — № 6.
Как появились птицы — № 10.
Как появились рыбы — № 11.
Как появились плетки — № 13.
Как появились кошки — № 1.
Как появился перец горький — № 12.
Как появился перец сладкий — № 12.

Отдельные мотивы

Узнавание песней — № 36, 41.
Птица мала — навозу много — № 31.
Невиновный не тонет — № 20.
Украдены, съедены — № 25.
О чем воет Кундунгу — № 9.

Исидор Левин
(Ленинград)

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Предисловие автора записи	5
-------------------------------------	---

СКАЗКИ МАМПРУСИ

1. Как появились кошки	11
2. Почему у осла длинные уши	11
3. О змее и лягушке	12
4. О грифе	12
5. Почему у собаки черный нос	13
6. Почему Кунбунгу живет в земле	13
7. Отчего у осы тонкая талия и толстое брюхо	13
8. Почему лягушки любят болото	16
9. О чем воет Кундунгу	17
10. Как появились птицы	18
11. Откуда взялась рыба в воде	20
12. Откуда взялись горький перец и сладкий перец	22
13. Как появились плетки	24
14. Слон и петух	27
Как паук стал маленьким	28
15. История первая	28
16. История вторая	31
17. История третья	33
18. История четвертая	35
19. История пятая	37
20. История шестая	38
21. Ястреб и черепаха	39
22. Лев и мышь	40
Почему у хамелеона трехгранная голова	42
23. История первая	42
24. История вторая	43
25. История третья	44
26. Почему у хамелеона такая странная походка	45
27. Сватовство паука	46
28. Мальчик и львица	47
29. Сказка о семерых братьях и о маленькой осе	49
30. Сказка о козе	51
31. Как обезьяна перехитрила паука	54
32. Обезьяна и заяц	55

33. Почему звери живут в лесу	57
34. Почему люди стали жить в домах, а звери — в лесу	59
35. Паук и мальчик	61
36. Дерзкий парень и купарга	62
37. Малелефи	64
38. О доброй жене и о злой жене	67
39. Когда один может одолеть семерых	68
40. И у стен есть уши	70
41. Мудрый совет	71
42. Юноши-рыбы	74
43. Судьба гордой красавицы	76
44. Возмездие за неверность	78
45. Тайна дочерей наири	80
46. Рассказ о верном слуге	84
Две шутки о неверной жене	89
47. Шутка первая	89
48. Шутка вторая	90
Непереведенные слова, встречающиеся в сказках	91
Потные записи	93
Послесловие	104
Типологический анализ сюжетов	111

Сказки мампруси

*Утверждено к печати Секцией восточной литературы РИСО
Академии наук СССР*

Редактор *И. Л. Елевич* Художник *Г. В. Пионтек*.

Художественный редактор *И. Р. Бескин*.

Технический редактор *Э. Ш. Язловская*. Корректор *М. Н. Гарбер*.

Сдано в набор 24/II 1966 г. Подписано к печати 19/XI 1966 г.

Формат 60 × 84^{1/16}. Печ. л. 7,5. Уч.-изд. л. 6,15.

Тираж 90 000 экз. Изд. № 1364. Зак. № 4072.

Индекс $\frac{7-3-4}{143-67}$ Цена 31 коп.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»

Москва, Центр, Армянский пер., 2

Типография «Красный пролетарий» Политиздата. Москва. Краснопролетарская, 16.

Цена 31 коп.

